



АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

ОТРЯД-2



ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Анатольевич Евтушенко

Отряд-2

Серия «Отряд», книга 2

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130085

Отряд-2: Эксмо; 2002

ISBN 5-699-00836-5

Аннотация

Вместо того чтобы убивать друг друга по воле могущественной расы сварогов, два взвода разведчиков, солдаты Красной Армии и вермахта, вырванные из лета 43-го и перенесенные на планету Пейяна, объединились и начали свою войну. С верой в победу и почти без надежды на возвращение. Теперь их осталось всего девять. Затерянных в параллельных реальностях, уставших от боя, но не потерявших способность принимать чужую беду как свою и в нужное время оказываться в нужном месте. Отряд жив, его марш по мирам продолжается.

Содержание

От автора	4
Действующие лица из романа «Отряд»	6
Часть первая.	7
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	34
Глава четвертая	47
Глава пятая	61
Глава шестая	74
Глава седьмая	87
Глава восьмая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Алексей Евтушенко

Отряд-2

От автора

Не знаю, возможно, кому-то его первый роман дался легко. Мне нет. Хотя удовольствие от «Отряда» я получил и хочется верить, что получил удовольствие и читатель. «Отряд», однако, оказался незаконченным. Я и сам это понимал, и читатели подсказали. Но браться сразу за продолжение не было ни сил, ни желания, – в сердце стучалась книга «Под колесами – звезды». И только после того, как она была дописана и сдана в издательство, я смог сесть за продолжение, а точнее, за окончание «Отряда», которое нынче вам и предлагаю. Для тех, кто не читал первую книгу, напомним, о чем там шла речь.

Две космические империи разумной расы сварогов не поделили вновь обретенную планету-праматерь Пейану. Дело могло закончиться всеобщей галактической войной, но Старший советник премьер-министра «северных» сварогов предложил иной выход. С Земли, из лета 1943 года, были похищены два взвода разведки: советский и вермахта. Их заставили драться друг с другом на специально отведенной территории планеты-праматери Пейаны. «Северные» стави-

ли на наших, «южные» – на немцев. Победившей стороне была обещана помощь во Второй мировой войне, а та из империй, чьи «представители» побеждали, получала в свое полное владение Пейану. Однако дело кончилось тем, что русские и немцы объединились, захватили инициативу и вынудили сварогов доставить их обратно на Землю. По дороге они пережили множество приключений, да и Земля оказалась уже совершенно другой....

Итак, я оставил своих героев на обочине четырехрядного шоссе какой-то параллельной Земли, измученных, раненых, практически истративших боеприпасы, но не потерявших силы духа. Вернемся же к ним!

Действующие лица из романа «Отряд»

Русские:

1. Александр Велга, лейтенант Красной Армии, командир взвода разведки.
2. Сергей Вешняк, сержант.
3. Михаил Малышев, рядовой.
4. Валерий Стихарь, рядовой.
5. Анна Громова, травница, целительница и белая колдунья.

Немцы:

1. Хельмут Дитц, обер-лейтенант вермахта, командир взвода разведки.
2. Рудольф Майер, рядовой, пулеметчик.
3. Курт Шнайдер, рядовой.
4. Карл Хейниц, ефрейтор.

Часть первая. Двойная угроза.

«Успех – значит успеть»
Марина Цветаева

Глава первая

...Они стояли на обочине широкого и гладкого четырехрядного шоссе, изумленно провожая глазами проносящиеся время от времени мимо машины совершенно незнакомых марок и очертаний.

– Что скажешь, Карл? – повернулся к Хейницу Александр. – Ты у нас самый ученый. Опять параллельный мир?

– Я уже ничего не предполагаю и ничему не удивляюсь, герр лейтенант, – покачал головой ефрейтор и глупо хихикнул.

– А я знаю только одно, – решительно сказала Аня. – Если мы быстро не доставим Хельмута в больницу, он, скорее всего, умрет.

Из-за поворота показался широкий и длинный бело-синий автобус. Отраженное солнце ослепительно сияло на его лобовом стекле.

– Этот нам подойдет, – сказал Стихарь, снимая с плеча автомат.

Автобус сбросил скорость и плавно остановился на другой стороне дороги.

– Ну-ну, – сказал Велга, прищурившись.

Из кабины высунулся молодой черноволосый водитель и, с веселой тревогой оглядев замерший отряд, махнул рукой и крикнул:

– Что случилось, ребята?! Вам в город? Садитесь, подвезу!

Автобус оказался совершенно пустым, и они споро погрузили в его обширное, пахнущее незнакомыми запахами нутро, носилки с не приходящим в сознание Дитцем и обессилено устроились вокруг на мягких удобных сиденьях. Только Велга сел впереди, рядом с водителем, оглянулся, проверяя как устроились остальные, и скомандовал:

– Поехали!

Автобус плавно тронулся с места и, стремительно набирая скорость, поплыл-понесся по гладкому покрытию дороги.

Хорошая дорога, подумал Александр, нетрясская. Хельмуту и так хреново, если бы еще и колдобины.... Он покоился на водителе, который с преувеличенным вниманием вглядывался в летящую под колеса серую ленту шоссе.

– Тебя как звать? – негромко спросил лейтенант.

– Николаем, – охотно откликнулся тот.

Мотор автобуса, несмотря на явную мощь, был почти не

слышен – так, урчало слегка где-то под ногами, и поэтому разговаривать можно было не напрягая голоса.

– Можно просто Колей, – уточнил черноволосый паренек и дружелюбно улыбнулся, показав ровные белые зубы. – А вы, я так понимаю, с Полигона?

Александр понятия не имел, что имеет в виду водитель, поэтому изобразил на лице неопределенно-утвердительную гримасу и спросил, чтобы сменить тему:

– Далеко до города?

– Семьдесят километров, – удивленно ответил водитель Коля.

– Да, действительно, – нарочито смущенно пробормотал Велга, – что это я...

– Не понимаю я вас, полигонщиков, честно говоря, – сказал Николай. Ему хотелось пообщаться и молчать всю дорогу он явно не собирался. – Охота была бегать и ползать по пыли и грязи и стрелять друг в дружку! Конечно, риска, в общем-то, никакого, – врачи и с того света вытащат. Но ведь больно же, наверное, когда в тебя пуля попадает, а? Ну скажи, больно?

– Еще как, – совершенно искренне ответил Велга, невольно прикоснувшись ладонью правой к повязке на простреленном (слава богу, кость не задело!) левом предплечье и машинально обернулся на своих товарищей.

Зрелище, представшее его взору, назвать радостным было никак нельзя. Семеро потных и грязных мужчин и одна жен-

щина, скорее даже девочка. Двое ранены. Один почти убит. И все измучены. Сначала просто войной. А потом снова войной и полной неизвестностью. Полной неизвестностью вчера, полной неизвестностью сегодня и, скорее всего, полной же неизвестностью и завтра. Судя по беспечному и здоровому виду водителя автобуса, здесь нет войны. Но неизвестности для отряда по-прежнему хватает с избытком. Пожалуй, только Аня и Валерка Стихарь выглядят пободрее остальных. Что до прочих.... Ч-черт, им всем срочно нужен врач и длительный отдых. Интересно, что за Полигон такой, о котором говорит шофер Николай? И ведь как говорит! Полигон. С большой буквы. Место, где люди, по его мнению, бегают и ползают по пыли и грязи и стреляют друг в дружку. Гм.... Он, лейтенант Красной Армии Александр Иванович Велга, очень хорошо знает такое место. Только называется оно не полигон, а передняя линия фронта. Передовая. А на полигоне люди, конечно, тоже стреляют, но только не друг в друга, а по мишеням. Полигон – это место для учения, а не для боя. Или здесь все иначе?

– Я один раз попробовал, – продолжал тем временем словоохотливый Николай. – Знакомые уговорили. Взяли меня, что называется, на слабо, – он весело хохотнул, не отрывая глаз от дороги. – Ну, я и согласился. Молодой был совсем.

– И что? – вежливо поинтересовался Александр.

– Да ничего. Послушал я, как пули свистят, посмотрел, как в товарищей моих эти пули попадают, поспал ночку-дру-

гую на сырой земле в обнимку с винтовкой, и сам себе сказал: «Все, Коля, хватит. Эти игры не для тебя. Пора домой.» Ну, и свалил.

– Сбежал, – неожиданно для себя самого уточнил Велга.

– Можно и так сказать, – охотно согласился с уточнением Коля. – Но ведь это правилами не запрещено, верно? Хочу – участвую. Не хочу – не участвую. Мое личное дело и никого не касается. Верно?

– Да я и не спорю, – пожал плечами Александр и поморщился от боли в левом предплечье. Он уже пожалел о своих словах.

– Город – да, согласен, там хотя бы интересно бывает и весело, хоть и не всегда безопасно. Но только не Полигон. Какое уж тут веселье.... Ну вот взять вас, к примеру. Я имею ввиду вашу группу. Раненые, глаза ввалились от усталости. Один, вон, так вообще без сознания. Сейчас, конечно, до города доберемся – оклемаетесь. Но какое в этом всем удовольствие? Нет, не понимаю.

– А что, – спокойно спросил Александр, – ты называешь удовольствием? А, Коля? И почему ты считаешь, что человек непременно к этому самому удовольствию должен стремиться?

– Удовольствием, – охотно поддержал тему водитель, – я называю удовольствие. То, от чего человеку делается приятно. Я уже знаю, что ты сейчас скажешь. Счастье, мол, человека заключается в испытаниях и преодолении себя и все та-

кое прочее. Но я так отвечу. Может быть, в испытаниях и преодолении и заключается счастье, не знаю. Но – повторяю – вполне может быть. Только испытания эти и прочие преодоления должны быть... как бы это правильно сказать... ну, естественными, что ли. Не придуманными специально, понимаешь? А Полигон ваш – это место, где все испытания и преодоления, а также тяготы, лишения и даже смертельная опасность, придуманы вами же от начала и до конца. Что, не так? Так. Не-ет, ты мне дай испытание естественное, природное. И тогда, возможно, преодолевая опасности этого испытания, я испытаю удовольствие и даже счастье, – и он опять улыбнулся короткой и победоносной улыбкой разобравшегося во всех проблемах человека.

– Ну ты, братишка, и рассуждаешь, – с веселой задиристостью произнес за спиной Александра Валерка Стихарь. – Я прям тобой восхищаюсь!

Велга вздрогнул и подумал, что отдых ему **действительно** крайне необходим, раз он стал пугаться неожиданных звуков и не услышал, как сзади подошел Валерка.

Тем временем ростовчанин, опершись ладонью на подлокотник кресла, в котором сидел Велга, ловко выудил из нагрудного кармана сигарету и, обращаясь к водителю, спросил:

– Прикурить есть?

– Да я не курю, – как-то растерянно ответил Коля.

– И не пьешь? – иронично осведомился Стихарь, скосив

на водителя черный бедовый глаз.

– Э-э... да нет, в общем-то.... А что? И что тебе не так в моих рассуждениях? – до Николая, наконец, стало доходить, что его подначивают.

– Да ничего, – пожал плечами Валерка и прикурил от спички. – Я не против. Рассуждай. Я вот только интересуюсь, зачем человечество придумало такую штуку, например, как спорт? Там ведь тоже все препятствия и трудности... как это ты говоришь... а! Неестественные, вот. И даже смертельная опасность во многих видах очень даже присутствует. Альпинизм, скажем, или те же автогонки.

– Ну ты сравнил! – воскликнул водитель Коля. – Спорт и Полигон! Нет такого вида спорта, где бы соперники друг в дружку стреляли настоящими пулями. И вообще. В спорте соперники, а на Полигоне вашем соперник частенько превращается во врага. А это уже совсем другое.

– Эх, ты, Коля-Николай, сиди дома не гуляй – миролюбиво улыбнулся своей фирменной обезоруживающей улыбкой Валерка. – Вот и видно, что ты спортом никогда по-настоящему не занимался. Бывают, знаешь ли, моменты, когда соперник кажется самым, что ни на есть, злейшим врагом. Ну да ладно, замнем для ясности. Ты мне лучше вот что скажи, братишка. Где нам в городе лучше остановиться? А то мы, понимаешь, первый раз и...

– Так вы новички? – во второй раз удивился Коля. – Хм... а по виду и не скажешь. Я думал, вы из таких... матерых.

– А мы действительно из таких, – с веселым энтузиазмом подтвердил Стихарь и заговорщицки подмигнул. – Но в городе этом никогда не были и никого не знаем. Всякое, знаешь ли, бывает в этой жизни. Да и во всех прочих жизнях тоже. Я тебе, будет желание и время, при случае могу такое рассказать, чего ты даже вообразить себе не можешь.

– Интересные вы ребята, – с оттенком уважения сказал водитель. – На Полигоне бываете, а в городе первый раз. Ну ладно. Сделаем тогда так. Я вас сначала к больнице отвезу, – пусть там врачи раненым помогут, а потом к себе. Ну, то есть, не совсем к себе, я – то в городе редко живу, но это такой общий дом. Кто его занял, того он и есть на это время. В холодильнике там полно еды, и деньги есть в сейфе на первые дни. Код замка я вам дам. Пользуйтесь. Мне все равно завтра вечером обратно ехать.

– Ты хочешь сказать, что даешь нам взаймы? – уточнил Валерка.

– Взаймы? Нет. Эти деньги, они как бы общие, для всех, кто первый раз в городе. Потом те, кто остается в городе надолго, идет жить в другое место и добывает деньги уже сам.

– А кто не остается?

– А зачем деньги тому, кто не остается? Нет, ребята, видеть вас на Полигоне, действительно, крепко потрепало.... Ничего, скоро уже доедем, потом отдохнете, и все в голове и организме встанет на свои места. Верно я говорю, братишка? – подражая Валеркиным интонациям, улыбнулся он.

– На все сто! – с энтузиазмом подтвердил Стихарь и тут же принялся расспрашивать Николая о технических особенностях его автобуса.

Велга расслабленно сидел в кресле, следил за летящей навстречу серой и гладкой лентой шоссе с редкими автомобилями и уплывающими по бокам дороги назад, поросшими густым смешанным лесом, холмами; слушал Валеркин треп и никак не мог отделаться от ощущения того, что все это ему снится. И шоссе, и лесистые холмы, и водитель автобуса Коля, и Валерка, и все...все...

– Товарищ лейтенант! Проснитесь, товарищ лейтенант! Саша, проснись, подъезжаем!

Кто-то осторожно, но настойчиво тряс его за здоровое плечо.

Опять, подумал Велга, не открывая глаз, опять поспать не дадут. Когда, интересно, я уже по-настоящему выплусь? На том свете, что ли?

Заснул он, как выяснилось, крепко, потому что, с трудом разлепив глаза, секунды две, не меньше, не мог сообразить, где он находится, и кто с ним рядом. Наконец, окружающая действительность, словно день, сменяющий ночь, вымыла из мозга остатки сна, и лейтенант Красной Армии Александр Велга вернулся в реальный мир. А вернувшись, вспомнил все.

– Подъезжаем, – повторил он и крепко растер лицо правой

ладонью. – Это хорошо. Как там Дитц, Валера?

– Дышит пока, – сказал Валерка Стихарь. – Но, по-моему, через раз.

Велга огляделся и поднялся со слишком удобного кресла.

Автобус небыстро катил по широкой дороге, проложенной уже не среди лесистых холмов, а в каком-то большом и ухоженном парке.

– Вон она, больница, – показал рукой Николай.

Александр посмотрел вперед и увидел светлое трехэтажное здание с широкими окнами, в которых отражалось синее небо и белые облака.

Водитель Николай аккуратно затормозил возле входа, нажал на приборной доске какую-то кнопку, и двери автобуса бесшумно распахнулись.

От входа в больницу к ним уже спешил молодой человек в белом халате.

Велга и рта раскрыть не успел, как белый халат легко вскочил на подножку, профессионально оглядел сидящих в автобусе и, явно для проформы, быстро осведомился:

– С Полигона?

Не дожидаясь ответа, он соскочил обратно на улицу, махнул кому-то рукой и показал три пальца. Стеклянные двери больницы тотчас отъехали в стороны, и шестеро дюжих молодцев, облаченных в одинаковые зеленоватые робы, выкатили наружу три санитарных каталки и целеустремленно устремились к автобусу.

– Э-э... у нас один лежащий, – сказал Велга. – Остальные способны передвигаться сами.

– Вы не на Полигоне, юноша, – улыбнулся хорошей быстрой улыбкой врач в белом халате, который выглядел на несколько лет моложе Велги, – и ваше командование с этой минуты переходит ко мне. Договорились? Я вижу, кстати, что вы тоже ранены, но без каталки действительно пока можете обойтись. Всем же остальным советую на время забыть про мужество и героизм и полностью довериться врачам нашей больницы. Раненым помощь, остальным кров и отдых. И не вздумайте со мной спорить!

– Да я, в общем-то, и не собирался, – сказал Александр. – Тем более, что медицинская помощь и отдых нам действительно необходимы.

– Вот и славно! – обрадовался врач. – А теперь я попросил бы вас выйти из автобуса, чтобы мы могли помочь вашим товарищам.

Велга подчинился и, махнув рукой остальным, осторожно ступил на землю. Плечо болело и очень хотелось спать. Следом за ним вышли Валерка Стихарь, Аня Громова, рыжий Курт Шнайдер, Карл Хейниц и гигант Малышев, а в автобус сноровисто поднялись санитары. Не приходящего в сознание Хельмута Дитца вынесли на носилках, быстро и осторожно переложили на каталку и тут же увезли. Рудольф Майер и Сергей Вешняк вышли сами, бережно поддерживаемые с боков медбратами.

– Медицинская помощь, комфорт и отдых! – воскликнул пулеметчик, завидев, ожидающую его каталку. – Возможно, даже горячая пища и милосердные во всех смыслах сестры! Неужто всеблагий Господь сжалился над бедным Рудольфом Майером и послал ему за все им пережитое на русском и прочих фронтах толику покоя и счастья?! Что ж, не хвастаясь, скажу, что я, как никто другой заслужил все эти блага, а посему отдаюсь в умелые руки врачей и, безмерно полагаясь на их искусство...

– Спокойно, Руди, – ласково прогудел Михаил Малышев. – Уже все кончилось.

– Просто очень больно, Миша, – улыбнулся виноватой улыбкой пулеметчик и покорно дал себя уложить.

Следом за ним, побряхтывая, на свою каталку водрузился Сергей Вешняк, и санитары сноровисто покатали раненых ко входу.

– Ну-с, прошу и всех остальных за мной, – явно подражая русским врачам конца девятнадцатого – начала двадцатого века, обратился к оставшимся молоденький доктор. – Зная ваши негласные законы, могу со стопроцентной уверенностью предположить, что вы не уйдете, пока мы не поставим ваших товарищей на ноги. Вы ведь у нас впервые?

Велга молча кивнул. Он чувствовал себя совсем уставшим и не хотел тратить малые, оставшиеся в нем силы, на слова.

– Что ж, надеюсь, вы останетесь довольны нашим обслуживанием и гостеприимством. Прощу, – и он сделал пригла-

шающий жест.

– Один момент, – сказал Валерка Стихарь. – Коля, ты что-то говорил насчет дома и ключей....

– Я их вам завтра завезу, – пообещал водитель. – Все равно вы до завтра здесь будете. Прямо с утра и завезу.

– Правильно, – сказал врач. – Все – завтра. А сегодня им необходим отдых и лечение.

– Завтра так завтра, – согласился Стихарь и протянул Николаю руку. – Пока, братишка. Спасибо за помощь. Завтра ждем.

– Не за что, – смущенно улыбнулся Николай и пожал протянутую руку. – Часов в десять я приеду.

– Лучше в одиннадцать, – сказал врач. – пациентам нужно как следует выспаться.

– Да хоть в двенадцать, – милостиво разрешил Стихарь. – Времени у нас теперь, насколько я понимаю, хоть отбавляй.

Глава вторая

Врачебная помощь, горячая ванна, чистая одежда, вкусная и обильная еда. Что еще нужно наконец-то вышедшему из боя солдату? Пожалуй только сон. Долгий, крепкий и спокойный. Желательно без сновидений. А если со сновидениями, то со сновидениями хорошими и приятными.

Сон, однако, не шел.

Уже всем была оказана квалифицированная врачебная помощь, и предоставлена горячая ванна, чистая одежда и отменный ужин. Уже Велга самолично проверил размещение личного состава отряда на третьем, гостевом этаже (каждому был выделен небольшой, но очень уютный одноместный номер) и состояние Хельмута Дитца (обер-лейтенант спокойно спал после операции, и врачи уверяли, что уже послезавтра он встанет на ноги, — чудеса медицины, да и только!), а сна не было и в помине. Казалось, что после всего пережитого за сегодняшний день, он, Александр Велга, просто свалится при малейшей возможности на ближайшее, пусть даже совершенно не похожее на постель место, и в ту же секунду уснет без задних ног, но....

Уснуть не удавалось.

Что с тобой, Саша? Ты устал и ты в безопасности. Это понятно, потому что никто даже не сделал попытки забрать у нас оружие, как будто все так и должно быть, и они чуть ли не

каждый день принимают у себя вооруженных измученных и раненых в бою людей. Оказали помощь, накормили, уложили в чистую мягкую постель. . . . Что тебе еще надо? Ты спал в мокром окопе под грохот артиллерийских залпов и разрывы вражеских мин. В дощатом кузове грузовика, который мотало и швыряло по разбитой снарядами и танками дороге. В танке, впрочем, ты тоже спал. В землянке. На снегу, на траве и на камне. В разрушенных домах, на крышах и в подвалах. Даже однажды высоко на дереве, накрепко привязавшись к стволу веревкой, чтобы не упасть, ты спал. Отчего же ты не спишь сейчас? Невероятность происходящего? С нами уже давно происходят самые невероятные вещи, но это не мешает нам крепко спать, когда предоставляется такая возможность. Перебил сон тем, что подремал в автобусе? Ерунда. Сна много не бывает. Сна на войне бывает только мало. На войне. . . . Может, в этом все дело? Все это время мы были на войне, а теперь война для нас кончилась. Война кончилась, и я пока не могу к этому привыкнуть. Не могу привыкнуть и поэтому не могу заснуть. Нервы. Это все нервы.

Он отбросил простыню, поднялся, накинул чертовски приятный на ощупь мягкий халат, прихватил с тумбочки сигарету и зажигалку и вышел на балкон.

На землю легла ночь.

Широкий балкон безо всяких перегородок тянулся вдоль всего третьего этажа, и Велга подумал, что для того, чтобы попасть в гости, например, к Ане Громовой, вовсе не

обязательно выходить в коридор. Эта мысль неожиданно его взволновала, он глубоко вдохнул насыщенный запахом ночных трав и листвы воздух и, облокотившись на легкие металлические перила, закурил сигарету.

Невысокая ладная и синеглазая, с густыми, цвета майского липового меда волосами, скуластая и чуть курносая девчонка-колдунья, однако, не спешила покидать его мысли.

Кажется, вторая дверь направо, подумал лейтенант и посмотрел направо. И тут же увидел фигуру человека. Фигура, крадучись, сделала несколько шагов по направлению к нему и остановилась в нерешительности.

Заметил, усмехнулся про себя Велга. Кто это такой шустрый, интересно? Стихарь, не иначе...

Он тихонько свистнул и призывно махнул рукой.

Это действительно оказался Валерка Стихарь.

– Не спится? – с независимым видом осведомился он, подходя к своему командиру.

– Не мне одному, – притворно вздохнул Велга, отметив, что ростовчанин отчего-то не вынимает из кармана халата правую руку.

– Да вот, понимаешь, Саша, решил перед сном прогуляться по балкону. Подышать, можно сказать, свежим воздухом и...

– Ладно, ладно, – перебил его Александр, – давай, доставай, что там у тебя. Хотя нет, погоди. Хочешь, с первого раза угадаю?

– Ну? – прищурился Валерка.

– Спирт, – безапелляционно заявил Велга. – Спирт медицинский неразбавленный.

– Ну вы даете, товарищ лейтенант! – восхищенно качнул головой ростовчанин. – Прямо наповал.

– Опыт, Валера, великая штука. Хочешь вторым разом скажу куда ты с этим спиртом направлялся?

– К вам, – быстро сказал Валерка. – Как бог свят, к тебе шел, Саша. Малышев спит, Шнайдер и Хейниц тоже спят. Не одному же мне честно украденный спирт пить, верно? Вышел на балкон – ты стоишь, куришь. Я и обрадовался.

– Ну-ну, – сказал Велга. – А где спирт умудрился стырить, а?

– Где-где... В процедурной, где же еще. И не то чтобы даже вертанул, а как бы это поаккуратнее выразиться...

– Позаимствовал, – подсказал Велга.

– М-м... тоже не совсем то. Если позаимствовал, то это предполагает отдачу. А ежели вертанул, то, значит, забрал украдкой, таясь и оглядываясь. А я не таился. Смело взял – и все!

– Ну ты прямо лингвист! – восхитился Велга.

– А как же! Мы в Ростове все лингвисты. И эти... как их... филологи. Иногда такие попадают, что прямо и не знаешь – с русского его переводить на ростовский или наоборот. Чешут языком – куда там твоему пулемету и, что самое главное...

– Да я верю, – сказал Александр, улыбаясь. Ему отчего-то стало спокойно и хорошо.

– А? Ну да. А насчет спирта.... Тут, понимаешь, такое дело вышло.... Слушай, а чего это мы стоим? Пошли к тебе, что ли. У меня и закуска есть.

Они вошли в номер, и Александр включил свет. Спирта оказалось грамм двести с прицепом и был он налит в длинную узкую стеклянную банку с завинчивающейся крышкой. Разбавили водой из-под крана, налили в стаканы, взяли по яблоку, которые Валерка вместе со спиртом щедро выложил на стол.

– Ну, – сказал Велга, – за победу.

– За победу, – эхом откликнулся Стихарь.

Выпили, резко вдохнули через ноздри воздух, захрустели яблоками.

– Теплый, зараза, – пожаловался Валерка сдавленным голосом. – А чтоб охладить вечно терпелки не хватает.

– Так ведь и холодильника нет, – резонно заметил Александр.

– Вода, вон, что из крана течет, – холоднющая! Можно было банку под струю поставить.

– Что ж ты, если такой умный, не поставил?

– Это я только потом умный становлюсь, а поначалу вообще наоборот, – авторитетно объяснил Стихарь.

Велга засмеялся. Разбавленный градусов до пятидесяти спирт горячей дорожкой протек в желудок, разбежался по

жилам, мягко, но настойчиво ткнулся в голову.

– Ну, так что там у тебя за дело вышло? – спросил он, доставая сигареты. И Валерка охотно рассказал.

Оказывается он еще во время всяческих медицинских процедур приметил симпатичную сестру милосердия. Сказал ей пару слов и ему показалось, что сестра эта самая отнеслась к словам его с пониманием. А посему после ванны и ужина, он смело проник в процедурную, где и застал эту самую сестру одну-одинешеньку, занятую каким-то совершенно пустым, с точки зрения рядового Стихаря, делом. И тут же попытался симпатичной сестрице показать, каким именно делом необходимо немедленно заняться.

«Ты понимаешь, Саша, – блестя черными глазами и отчаянно жестикулируя, рассказывал он, – все было хорошо, пока я не попытался ее обнять. Шучу – смеется. Наменяю – опять смеется. Поощрительно смеется, заметь! А только я ее за грудь ухватил, как она, как бы это... ну, окаменела, что ли. Или остекленела. Стоит – столб столбом. Только женского рода. Глаза в одну точку уставились и даже, как мне – с испугу верно – показалось, не дышит.»

– А потом? – осведомился Велга, разливая по стаканам вторую порцию.

– А потом я растерялся...

– Ты?! – не поверил Александр.

– Сам удивляюсь. Растерялся и отпустил ее. А она, эдак, от меня попятилась, попятилась.... И глаза – заметь! – все

так же – в одну точку где-то на стене поверх моей головы смотрят. И не мигают. Так вот задом за дверь и вышла. А в коридоре повернулась, будто на плацу и молча ушла.

– Обиделась, наверное, – предположил Александр.

– Обиделась! – возмущенно воскликнул Валерка. – Да на что обижаться-то! Я ведь не кавалерийским наскоком, а с подходом, вежливо.

– Знаем мы твою вежливость. За рога – и в стойло.

– Нет, не понимаешь ты, – вздохнул ростовчанин. – Говорю тебе, странная она какая-то. Не могу подобрать слова, но.... В общем, первый раз со мной такое. Ну дала бы по морде в конце концов! Это было бы понятно. А так... Что-то, здесь, нечисто. Уж ты мне, лейтенант, поверь.

– То, что здесь нечисто, я и сам вижу, – назидательно сказал Велга. – Полигон какой-то. Домом предлагают воспользоваться.

– Где деньги лежат, – подсказал Валерка.

– Вот-вот. Непонятный мир.

– А когда это мы за последнее время попадали в мир понятный? И вообще, что понятного происходило с нами за это же последнее время? Сплошная непонятка. Одного не отнимешь.

– М-м? – вопросительно приподнял брови Велга.

– Нам чертовски везло.

– Это да. Только не всем.

И они вторым стаканом помянули погибших товарищей.

– Пошли, что ли, на балкон покурим, – предложил Стихарь. – А то надымим тебе тут. Спать будет тяжело.

– Пошли, – согласился Велга.

Они вышли на балкон и закурили, молча вслушиваясь в ночь.

– Тихо как, – сказал Валерка. – И пахнет... Куда мы на этот раз попали, а, товарищ лейтенант?

– Откуда ж мне знать, – вздохнул Александр. – Пока ясно только одно. Здесь мир, а не война.

– Мир, – повторил Стихарь. – Только какой он, этот мир?

И будто ответ на его вопрос, где-то далеко, на пределе слышимости, донеслась до привычного слуха короткая автоматная очередь. За ней два раза пролаял пистолет. И снова очередь. На этот раз длиннее. И чей-то высокий, полный боли, крик. Сирена. Снова очередь. И снова сирена. Уау-уау-уау! Вроде бы визг тормозов. Опять пистолет. И тишина. Тишина, полная чудных запахов ночного летнего парка.

– Вот тебе и мир, – криво усмехнулся Валерка. – Пусть мне никогда не увидеть левого берега Дона, если это не перестрелка.

– Перестрелка еще не война, – возразил Велга. – Тут город неподалеку, насколько я понимаю. И город, видимо, большой. Мало ли кто может стрелять в городе.

– Например, бандиты, – подсказал Стихарь.

– Например.

– Ну, если в этом мире есть бандиты, то, значит, должны

быть и милиция. А раз есть милиция, то есть и армия. А раз есть армия...

– То может быть и война, – вздохнул Александр.

– Вот именно.

– Данных мало, – Велга в одну затяжку докурил сигарету и щелчком отправил ее вниз, в темноту. – Как всегда, мало данных. Но на то мы и разведка, чтобы эти самые данные добывать. А, как думаете, товарищ боец?!

– Так точно, товарищ лейтенант, – ухмыльнулся Стихарь и свел вместе обутые в тапочки пятки. – Думаю!

– Молодец. Раз мы разведка, а не просто пехтура, то просто обязаны думать. А что нужно для думания в первую очередь?

– Голова, товарищ лейтенант!

– Правильно. Но не просто голова, а голова свежая. А по-сему слушай, Валера, приказ. По последней – и на боковую!

Приказ был выполнен незамедлительно и через пять минут Стихарь ушел по балкону к себе, а еще через пять лейтенант Красной Армии Александр Иванович Велга крепко спал безо всяких сновидений.

Утром здоровые первым делом навестили раненых. Майер и Вешняк были уже практически в полном порядке, хотя врач настоятельно рекомендовал остаться в больнице еще на сутки. В принципе никто и не возражал, поскольку непонятно было, куда, собственно, из этой больницы двигаться даль-

ше. Наводить же прямые справки Велга не решался и бойцам запретил, поскольку понимал, что сейчас их принимают за своих, вернувшихся с неведомого Полигона. А вот что будет, когда станет ясно, что они не свои.... Этого лейтенант не знал. И проверять реакцию аборигенов на сей факт путем проведения прямого эксперимента у него не было никакого желания. Впрочем, говорили здесь по-русски и это несколько утешало.

Обер-лейтенант Хельмут Дитц, когда к нему в палату осторожно вошли, находился в полном сознании и в положении полулежа с аппетитом кушал что-то весьма напоминающее молочную кашу из красивой стеклянной миски. Медсестра, сидящая рядом, увидев посетителей, деликатно удалилась, и отряд робко приблизился к кровати.

– Гляньте-ка, – первым обрел дар речи Стихарь. – Живой!

– Если честно, я вчера доктору не очень поверил, когда он сказал, что вы, господин лейтенант, через пару дней будете на ногах, – застенчиво признался ефрейтор Карл Хейниц. – А теперь вижу, что правда.

– Доброе утро, – улыбнулся Дитц, и по его потеплевшему прозрачно-голубому взгляду было заметно, что он искренне рад всех видеть. – Что вчера было-то? Ничего не помню. Очнулся сегодня утром, и мне тут же принесли кашу.

– Ранили тебя, – объяснил Велга. – Тяжело ранили. А потом мы попали в этот мир.

– То есть, – прищурился Дитц, – ты хочешь сказать, что

это какой-то другой мир? Не тот, в котором мы находились?
– Именно, – вздохнул Александр.

– Приключения продолжаются, господин обер-лейтенант! – широко ухмыльнулся Рудольф Майер. – Должен вам сказать, что мы очень за вас переживали. Но здешняя медицина, действительно, делает чудеса. На такое, по-моему, даже свароги не были способны.

– Погодите вы! – вмешалась Аня. – Хельмут, позвольте я вас послушаю? Доктора докторами, но желательно убедиться, что с вами действительно все в порядке.

– Ну... слушай, – неуверенно согласился Дитц и поставил тарелку с остатками каши на тумбочку.

Аня присела к нему на кровать. Встряхнула несколько раз кистями рук, как бы сбрасывая с них невидимые капли воды, и стала водить ладонями над грудью и головой обер-лейтенанта. В палате образовалась благоговейная тишина.

– Хорошо, хорошо, – приговаривала Аня, – здесь тоже уже хорошо... а вот поспать бы вам еще не мешало совсем. Ничто не лечит человека лучше чем сон. Хороший здоровый сон. Сон. Сон...

– Лови! – шепотом воскликнул Малышев и сам же и подхватил обмякшее тело ефрейтора Хейница.

– Ну и дела! – восхитился рыжий Курт Шнайдер. – По-моему, эта штука называется гипноз, да? Слышал, читал, но никогда сам не видел. Э, а господин обер-лейтенант-то наш тоже спит!

– И пусть спит, – сказала Аня, подымаясь. – Ему полезно. А Карл просто слишком впечатлительный. Или ночью спал плохо.

– Разбудить? – спросил Малышев, без видимых усилий, словно ребенка, держа ефрейтора на руках.

– Не надо, Миша. Раз уснул, значит организм потребовал. Отнеси-ка ты его на место.

Они уложили Хельмута головой на подушку, отнесли Карла в его постель и вышли на воздух покурить и оглядеться. Не забыв при этом снести все оружие в номер к тому же Хейницу и оставив Вешняка его охранять.

На улице светило теплое утреннее солнце и хорошо пахло свежей парковой зеленью. Они перешли неширокую дорогу и уселись прямо на траве возле двух нежных юных берез.

– Сигареты кончаются, – констатировал Майер, критически оглядывая тощую пачку. – Будем надеяться, что в этом мире есть табак.

– Или бросите курить, – сказала Аня.

– Еще чего! – возмутился Стихарь. – И так у бедного солдата практически никаких удовольствий в этой жизни!

– Птицы поют, – сообщил Малышев, блаженно растягиваясь на траве во весь свой гигантский рост. – Хорошо....

– Вроде на вид тут все мирно, – сказал Велга, закуривая – но должен вам сообщить, что мы со Стихарем слышали сегодня ночью автоматную и пистолетную стрельбу. Далеко, правда, но слышали.

– И сирену, – добавил Валерка.

Остальные молча глядели на них, ожидая продолжения. Малышев сел.

– И что это может означать? – задумчиво осведомился неизвестно у кого Шнайдер.

– Только одно, – пояснил Велга. – Расслабляться рано. Нужно держаться вместе и добывать информацию, – он посмотрел на часы. – Десять сорок две. Скоро наш Коля подъехать должен. Если не обманет, конечно.

– Не обманет, – сказала Аня. – Он уже едет. Через пару минут будет здесь.

Велга только покосился на девушку и ничего не сказал. В необычных и разнообразных способностях юной колдуньи они уже успели убедиться не раз.

– О! – прогудел Малышев, глядя куда-то за спину лейтенанта. – По-моему, это он.

Это, действительно, оказался, Николай, которого отряд встретил радостно, словно старого доброго знакомого. Он передал Велге лист бумаги с записанным на нем адресом дома, ключи и деньги.

– Мне сегодня необходимо уезжать, – с виноватым видом объяснил водитель, – поэтому я не смогу вас проводить до дома. Но вы и сами доберетесь, тут недалеко. Когда вас выписывают?

– Завтра-послезавтра, – сказал Александр. – Слушай, Коля, ты не знаешь, что за стрельба ночью в городе была?

– Стрельба? – удивился Николай. – Да в городе чуть ли не каждую ночь стрельба. Да и днем тоже... бывает. Банды чего-то не поделили, наверное. Или банк кто-то попытался ограбить. Я вообще-то не слышал, спал.

– Банды, – пробормотал Валерка Стихарь. – Ни хрена себе....

– Обычное дело, – пожал плечами Коля. – Кто-то на Полигоне свою дурь выплескивает, кто-то в бандах. Кому что, в общем. Но Полигон, конечно, круче. Там оружие и пули настоящие, а не парализаторы с иглами, как в городе. Даже, говорят, неоднократно бывали случаи на Полигоне, когда врачи не могли ничего сделать, и человек умирал от ран, – и он выжидающе оглядел присутствующих.

Присутствующие переглянулись и промолчали.

– Слухи, наверное, – вздохнул Николай. – Ну ладно. Желаю, как говорится, скорейшего выздоровления, а мне пора. Дорога ждет. Я вам позвоню послезавтра, хорошо?

– Звони, – улыбнулся Велга и протянул руку. – И спасибо тебе.

– Да не за что, – смутился Николай, пожал всем руки и полез в автобус.

Глава третья

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – спросил Велга, когда автобус скрылся за поворотом. – Лично я пока нет.

– Полигон, банды, парализаторы какие-то с иглами – почесал в затылке Стихарь. – В интересное местечко мы попали, однако.

– Я, например, – сказал Майер, – очень хорошо понимаю, как можно **умереть** от ран. Но не наоборот.

– Например, если в лоб попал танковый снаряд, – подсказал рыжий Шнайдер.

– И при этом отчего-то не срикошетил, – добавил Валерка.

– Да что там снаряд, – пожал плечами Малышев. – Обыкновенной пули достаточно.

– Не скажи, – возразил Шнайдер. – Я был свидетелем тому, как человеку в голову попала пуля, и он при этом выжил.

– Ну, если по касательной...

– Не по касательной.

– Не знаю, не знаю...

– Курт прав, – сказала Аня. – Вы просто не догадываетесь обо всех возможностях человеческого организма. Но вот если, действительно, снаряд в голову.... Разве что они каким-то образом научились полностью записывать и сохранять конкретную человеческую личность?

– Это как? – поразился Майер.

– Ну, все воспоминания, знания, умения. Все, что составляет разумную сущность человека.

– Ага, – подхватил неугомонный Стихарь. – А потом выращивают новую голову и туда впихивают запись, да?

– А почему бы и нет? Помню я читала в одном фантастическом романе...

– Фантастика! – фыркнул Майер. – Тоже мне литература, говна-пирога. Сплошная брехня!

– Не скажи, – улыбнулся Велга. – Если подходить с такой точки зрения, то вообще вся литература – это сплошная брехня.

– Это как? – второй раз за минуту поразился Майер.

– Про художественный вымысел что-нибудь слышал? – осведомился Стихарь.

– Ну.

– Вот тебе и ну.

– Постойте, – сказал Малышев. – О литературе потом спорить будем. Ты вот, Аня, вроде как и колдунья, и целительница, а простых вещей не учиываешь. Наверное, всякие там воспоминания и знания можно записать. А как, скажи, можно сделать копию с души человеческой?

– А при чем тут душа? – спросил Велга.

– Нет, Саша, – покачала головой Аня. – Я действительно как-то не подумала. Получается, что если можно сделать копию человеческой души, то теоретически можно сделать и копию Бога. Так, Миша?

– Так, – серьезно сказал Малышев.

– Ни хрена себе! – восхитился дерзкий Стихарь. – Копия Бога. А в этом что-то есть!

– Богохульники... – пробормотал Майер и мелко перекрестился.

– Вы как хотите, – сказал Шнайдер, – а мне что-то от всех этих умных разговоров жрать захотелось.

– Это не от разговоров, – объяснила Аня. – Это просто реакция организма на отсутствие экстремальных обстоятельств.

– Эск... эктрс... – попытался повторить Курт и сплюнул. – Я же говорю: от умных разговоров!

– Правильно, Курт, – поддержал Шнайдера Стихарь. – Солдату в любых обстоятельствах пожрать лишний раз не помешает. Тем более на хяляву. Вы как, товарищ лейтенант?

– А что, – потянулся всем телом Велга. – Самое правильное предложение, которое я услышал за последние десять минут. Только я бы еще потом и поспал!

Выехав с территории больничного парка, Николай Боровиков, член тайной организации «Восход», остановил автобус. Ему нужно было подумать. Думать же о серьезных вещах и одновременно крутить баранку автобуса Николай не любил и всегда, если позволяло время и обстоятельства, предпочитал в таких случаях останавливаться. Конечно, можно было переключить машину на управление ком-

пьютером, но Боровиков, как, впрочем, и многие другие водители, не особо доверял электронике и не пользовался ею без крайней на то необходимости. Статистика несчастных случаев была бесстрастной и неумолимой: количество аварий из-за сбоя в компьютерах наземного транспорта превышало количество аварий, допущенных по вине настоящего живого водителя.

Не намного, но превышало.

Отсюда, с холма, на котором раскинулся больничный парк, был хорошо виден Город. Вот он – протяни руку и дотянешься до серых, белых и цветных громад его зданий, до шпилей и колоколен его церквей, до пятилапой изящной башни древнего Телецентра и серебристой полосы реки.

Не отвлекаясь на всякие там предместья, сады, поля и промышленные зоны, Город вырастал сразу в каком-то километре от Николая. И, как всегда, завораживал его взгляд. У него не было названия, как, впрочем, и у всех его почти точных и немногочисленных повторений на планете. Когда нужно было обозначить это место, говорили просто: «Город». С прописной буквы. И все. И не важно, где он был расположен – в Евразии, в Америке или в Австралии. Городом он звался везде. Николай знал, что раньше, еще каких-то пару-тройку сотен лет назад, на планете были тысячи городов. Больших и маленьких. Красивых и безобразных. Шумных и относительно спокойных. Разных. Некоторые из них – точнее, малые части некоторых из них – даже сохранили и законсерви-

ровали в качестве музеев. Когда Коля Боровиков еще учился в Школе, он несколько раз побывал со школьными экскурсиями в таких городах – музеях: Москве, Риме, Токио, Нью-Йорке¹.

Он до сих пор помнил то детское чувство благоговения и страха, которое охватывало его всякий раз на этих экскурсиях. Фасады прекрасных и уродливых древних зданий, загадочно поблескивающие от покрывающего их специального консерванта Фасады и окна, за которыми давно не скрывалась человеческая жизнь, но которые слишком хорошо помнили человека и поэтому продолжали за ним следить. Неусыпно и настороженно. Пустые и гулкие улицы-ущелья, тишина которых казалась не более чем искусной маскировкой и хитрым притворством. Обманчивой покорностью зверя, дающего себя погладить, перед тем как укусить.

Выросший на ферме отца, в десяти минутах лету на флайере (крейсерская скорость 500 км/час) до ближайшей Школы, он, как и все, впервые попал в Город только по достижении совершеннолетия, то есть, в возрасте двадцати одного года.

Сейчас ему было двадцать три и, насколько он знал, некоторые его сверстники до сих пор так и не побывали в Городе ни разу и не испытывали никакой потребности в его посещении. Другие (и таких было большинство), посетив Город

¹ Идея городов-музеев принадлежит писателю Роману Злотникову и с его любезного разрешения используется автором в этом романе (прим.автора)

лишь однажды из чистого человеческого любопытства, уезжали и больше никогда не возвращались. Им вполне хватало самого факта посещения и осознания того, что при случае можно спокойно и независимо сказать: «Я был в Городе и не нашел там ничего, достойного моего внимания».

Были также третьи и четвертые, которые не мыслили своего существования без Города и отличались друг от друга лишь количеством дней в году, проведенных в его черте.

Сам он относился к существованию Города двойственно. С одной стороны он понимал, что Город и расположенный рядом с ним Полигон – это не более чем места для игры. Часто жестокой и грязной, но именно игры, а не настоящей жизни. А с другой.... С другой стороны настоящая жизнь с ее жесточайшими нравственными нормами, тщательно соблюдаемыми законами, трудовой дисциплиной и размеренностью тоже напоминала игру. Только скучную и обязательную. Игру, в которую нельзя было прекратить играть по собственному желанию без риска стать изгоем и парией. И в существовании Города, и в самой жизни, которую вело человечество, Николай явственно ощущал какую-то **нечестность**, какой-то основополагающий обман и лицемерие. Он и в «Восход» попал лишь только потому, что хотел как-то изменить существующий порядок вещей, а цели и задачи этой организации хоть и казались ему не бесспорными, но другой организации, которая могла бы предложить хоть какую-то альтернативу сложившемуся порядку вещей, на Земле про-

сто не существовало.

Николай вздохнул, посмотрел на часы и тронулся с места. Вот так всегда, – хочешь обдумать одну мысль, а в результате понимаешь, что думал совсем о другом. Эти ребята с Полигона.... Есть в них какая-то странность и неодолимая привлекательность. То, что они «полигонщики» – это ясно. Ясно также то, что о них стоит рассказать Лидеру. Он правильно сделал, что познакомился и предложил им дом. Но вот чувство, которое остается после общения с ними.... «Полигонщики» и в то же время **не** «полигонщики». Любой «полигонщик» – это в первую очередь мальчишка в шкуре взрослого человека. А эти, не смотря на явную молодость, на мальчишек совсем не похожи. Прямо скажем, что более взрослых и **опасных** людей, людей, по ощущению способных на **по-ступок**, он в своей жизни не встречал. Даже Лидер, и тот казался менее ярким и значимым в сравнении с ними. Интересные и очень не простые люди. Надо поскорее поставить в известность Лидера, а тот пусть сам решает, стоит ли их «вести» дальше или пусть себе живут дальше своей жизнью. Так и поступим. Николай сбавил скорость и въехал в Город.

– Что ж, – сказал главврач, откинувшись на спинку кресла, – не смею задерживать, ибо вы вполне здоровы.

– Благодаря вам, доктор и вашей больнице, – слегка поклонился Велга.

– Э-э... разумеется, это не мое дело, – продолжил глав-

врач, кивком принимая комплимент, – но я любопытен. Надеюсь, вы не сразу снова на Полигон? Лично я бы не советовал. Физически вы, повторяю, совершенно здоровы. Но вот нервная система у вас у всех, за исключением, пожалуй, де-вушки Ани....

– Да? – приподнял светлые брови Дитц.

– Я не скажу, что она полностью истощена, но потрепана порядком. Так что, как врач, настоятельно рекомендую возвращение к нормальному, образу жизни. Как минимум, на полгода. И никакого экстремала. Вы, я слышал, собираетесь в Город?

– Да, – сказал Велга. – А что?

– Ничего, – пожал плечами главврач. – Если на несколько дней, то ничего. Но потом, повторяю, я бы рекомендовал вернуться к вашим обычным занятиям. А уж о Полигоне вообще забыть.

– На полгода? – уточнил Дитц.

– Как минимум, – подтвердил главврач.

– Хорошо, доктор, – сказал Александр. – Мы непременно последуем вашему совету. А сейчас еще раз спасибо и разрешите откланяться.

– Не смею задерживать. Всего вам хорошего. И если возникнут проблемы со здоровьем, то милости прошу. Всегда рады будем вам помочь – таких дисциплинированных пациентов у меня давно не было.

– До свидания, доктор.

– До свидания.

Они спустились по лестнице на первый этаж и вышли на улицу.

– Смотрите-ка! – воскликнул Майер. – Это еще что за мас-карад!?

Прямо перед зданием больницы на толстых и коротких шасси стоял, судя по скошенным назад крыльям и хвосту, явно летательный аппарат, чем-то напоминающий небольшой самолет. И от этого самолета ковыляли, поддерживая друг друга, двое мужчин. В грязной, местами изрядно порванной военной форме и при оружии. У одного из них, высокого и усатого, голова была обмотана толстым слоем бинтов, и поэтому свой кивер он повесил за ремешок на сгиб левой руки, в которой держал еще и длинное древнее курковое ружье с примкнутым штыком. Это ружье он использовал в качестве дополнительной опоры, правой рукой поддерживая своего, чуть ли не падающего на землю окровавленного товарища.

– Посторонись! – раздалось сзади.

Они поспешно подались в стороны, пропуская санитаров с каталками.

– А я уж думал, что медперсонал с нашим уходом останется без работы, – громко пробормотал Стихарь, наблюдая вместе со всеми, как окровавленного укладывают на каталку. – Черт возьми, откуда эти ребята? С Бородинского поля?

– Шевардинский редут, – блеснул зубами солдат с перевязанной головой, услышав слова Стихаря. – Досталось, вот....

Пришлось срочно эвакуироваться. А наши еще там остались. Ничего, если дальше дело пойдет так как началось, то к вечеру тут свободных палат не останется. А вы откуда, ребята?

– Лето сорок третьего, – серьезно сказал Дитц. – Тысяча девятьсот.

– О! – с уважением качнул головой усатый. – Курская дуга? Слышал, но сам не пробовал. Ладно, счастливо. Пойду подлатаюсь, а то что-то мне хреновато....

Они проводили солдата глазами и, не торопясь, пошли к выходу с больничной территории.

– Это у них, насколько я понимаю, такие военные игры, – метров через двадцать высказался Карл Хейниц. – Только с настоящим оружием.

– Похоже на то, – поддержал разговор Стихарь. – Да и Николай об этом же говорил. Разыгрывают бои и сражения из разных времен. А медицина у них такая, что умереть не бояться. Знают, что врачи в любом случае вытащат.

– А зачем? – неожиданно спросил Вешняк.

– Что «зачем»?

– Ну, зачем им это? Мало, что ли, настоящей войны?

– А может, у них нет войн? – предположил Малышев и даже приостановился, пораженный собственным высказыванием.

– Как это «нет»? – удивился Майер. – А что же тогда у них есть?

– Например, мир, – хохотнул Валерка. – Вечный и неру-

шимый.

– Так не бывает, – убежденно сказал Руди. – Где-нибудь, пусть небольшая, но война всегда есть обязательно. Это сидит в человеческой натуре так глубоко и прочно, что никаким воспитанием и никакой моралью не выковыряешь. Даже христианской.

– Я бы даже сказал, в особенности христианской, – уточнил Карл Хейниц.

– Почему «в особенности»? – лениво поинтересовался Вешняк.

– Потому что история христианства – это история войн за веру.

– Или преступлений во имя веры, – поддержал разговор Велга. – Например, испанская инквизиция.

– А подвиги? – тихо спросила Аня, но так, что ее все услышали.

– Что «подвиги»?

– Подвиги во имя веры? Разве их не было? Или было мало? Причем не военные подвиги, как вы сразу подумали. Точнее, не только они или даже не столько они. Подвиги духовные. Вы, Саша, просто плохо знаете историю христианства. Вернее, совсем ее не знаете. Это понятно – вас ведь учили, что религия – это опиум для народа.

– А что, разве не так? – попытался улыбнуться Велга, но улыбка вышла кривой.

– Не так, товарищ лейтенант, – шумно вздохнул Малы-

шев. – Религия – это опора и духовная поддержка.

– Опора... – повторил Велга с сомнением. – Костыль, ты хочешь сказать?

– Удивительное дело, господа! – громко сказал Дитц *таким* голосом, что все замолчали. – Удивительное дело, как быстро мы все расслабились. Позволю себе напомнить, что мы находимся в чужом мире, о котором нам практически ничего не известно. И что же? Трех дней полноценного отдыха, лечения и приличного питания вполне хватило, чтобы боевое подразделение превратилось в компанию доморощенных философов, которые вместо того, чтобы добывать и осмысливать информацию об окружающем их враждебном мире, спорят о роли религии в совершенно ином мире, мире, который они, возможно, вообще никогда не увидят.

– Это почему? – спросил Шнайдер.

– Почему не увидим?

– Да.

– Потому, рядовой, что мне так подсказывает моя интуиция, во многом благодаря которой, вы до сих пор живы.

– А почему враждебном? – тут же осведомился Вешняк.

– Потому что мой опыт подсказывает, что мир *никогда* не бывает дружелюбен к чужакам. В крайнем случае, он нейтрален. Но и это бывает очень редко. А вот враждебен практически всегда.

– Согласен, – кивнул головой Велга. – Но я пока не вижу непосредственной опасности.

– В этом-то и заключается ваша беда.

– Наша – это чья?

– Ваша, русская, – пояснил Хельмут. – Наша немецкая беда в том, что мы слишком практичны и одновременно сентиментальны. А вы, русские, наоборот, живете эмоциями и расслабляетесь при первом удобном случае.

– Сам философствует, а другим запрещает! – веселым голосом объявила в пространство Аня, и все рассмеялись.

И тут больничный парк кончился, и они вышли за ворота.

Глава четвертая

Они возвращались.

Два из семи.

Ушедшие тысячи лет назад в погоню за врагом.

Догнавшие и уничтожившие его.

Они многое потеряли. Сотни и сотни жизней, пять кораблей и – главное – время, которому они принадлежали.

Они ничего не приобрели, кроме победы и чувства выполненного долга. Этого много для мудреца и воина, но этого мало для того, кто давно не был дома. Дома должны ждать, а их уже тысячи лет никто не ждал. Никто не ждал, потому что никто не ведал о самом их существовании.

Испытания, выпавшие на их долю, некому было воспеть в песнях и легендах. Чтобы сложить легенду, нужна память. А память о них давно выветрилась вместе с последними камнями, бывшими свидетелями их ухода.

Тысячи лет.

Они надеялись вернуться гораздо раньше, но судьба, даровавшая им невероятную, фантастическую победу, решила, что за эту победу они заплатили недостаточно.

Оба, оставшихся в живых после решающей битвы, корабля были вышвырнуты из гиперпространства на половине пути к дому. Случай невероятный, но они слишком плохо знали выверты пространства-времени, чтобы судить. Корабли

были выброшены туда, где с обзорных экранов на экипажи глядели прекрасные, равнодушные и уже недостижимые звезды, потому что вновь уйти в гиперпространство не было никакой реальной возможности.

Оба рабочих гипергенератора и четыре резервных таинственным образом вышли из строя. Да так, что починить их, вероятно, мог бы один лишь Господь Бог. И тот, скорее всего, подумав, просто заменил бы их новыми. Но Бога поблизости не оказалось, и поэтому выкручиваться пришлось самим. И даже не выкручиваться, а просто искать выход. Выход, который был единственно возможным в данной ситуации. То есть выхода было два, но второй – просто лететь по направлению к дому и ждать, когда кончатся ресурсы воздуха, воды и пищи, не устраивал никого.

Глубокий анабиоз.

До родной планеты были тысячи лет пути на той скорости, которую теперь могли развить корабли, и эти тысячи лет можно было переждать только одним способом, – временно почти умереть.

Это был не просто риск – это было практически стопроцентное массовое самоубийство. Никто и никогда не ложился в глубокий анабиоз больше чем на двести лет. Никто никогда не проверял и не рассчитывал, – может ли техника, поддерживающая малую искру жизни в уснувших астронавтах и самих кораблях, столько выдержать. Техника эта проектировалась и создавалась с пятикратным запасом прочно-

сти и надежности и редко подводила своих создателей и хозяев. Но теперь нужен был пятидесятикратный запас.

Они отключили от энергии все, что можно было отключить, законсервировали все, что можно было законсервировать и продублировали систему жизнеобеспечения анабиозных капсул столько раз, сколько было возможно.

Погасли реакторы и обзорные экраны. Затих ток в проводах и кабелях. Герметично, с тихим чмокающим звуком, закрылись люки анабиозных капсул.

Атомный таймер, время работы которого могло быть сопоставимо со временем существования некоторых планет и звездных систем, бесстрастно приступил к отсчету срока, по истечении которого, он должен был дать команду к пробуждению.

* * *

Казалось, эта боль не кончится никогда. Зародившись где-то в таинственных и непостижимых глубинах мозга, словно слабый и далекий сигнал автоматического радиопередатчика, она постепенно усилилась до такой степени, что не замечать ее, забыть о ней не осталось никакой возможности. Она, эта боль, пронзала насквозь все...

Что – все? Что у меня болит?

У *меня*? Значит, есть *я*?

Болело все и одновременно ничего.

Для того чтобы определить, **что** именно болит, нужно это самое **что** иметь.

Или хотя бы знать, что **оно** у тебя есть.

Или было.

Это может быть голова. Или рука. Или сердце. Это может быть любая часть твоего организма и тела...

Тела?!

У меня было тело...

У меня есть тело!

И оно, черт возьми, болит!

Болит сердце, печень, легкие, руки и ноги! Болит голова и мозг внутри головы! Болят глаза и уши! Они болят! Господи, они болят, и это значит.... Это значит, что я жива!! Время вышло, и таймер запустил систему в обратную сторону. Так. Надо вспомнить, что было написано в руководстве по выходу из глубокого анабиоза. Боль скоро должна пройти, она уже понемногу проходит, становится слабее, тише, как будто вытекает из тела сквозь тысячи пор. Дышать. Почему я не дышу? Ах да, еще, наверное, рано... Странное это ощущение – жить и не дышать. Забавное. Неужели все-таки получилось? И... и как я теперь, интересно, выгляжу? В анабиозе не стареют. Но ведь жизненные процессы не прекращаются окончательно, – иначе просто наступила бы смерть. А тут не века даже прошли. Тысячелетия. Нет, не верю. Не хочу проснуться старухой, годной только на то, чтобы вспоминать прошлое. Прошлое, которого почти и не было. Если

это окажется так, то лучше совсем не просыпаться. Однако когда же...

Ее тело сотряс кашель – это хлынул из легких специальный биоконсервант. За кашлем и рвотой снова пришла боль, а потом – возможность двигаться. Она по-прежнему ничего не видела, – внутри капсулы царила абсолютная темнота, но прекрасно помнила инструкцию по пробуждению.

«Инструкция по воскрешению», как невесело шутили на борту.

Инструкция, которую капитан заставил вызубрить наизусть, гласила: «Ничего не предпринимать до звукового сигнала. После сигнала люки анабиозных камер откроются автоматически. Если люки автоматически не откроются, их следует открыть вручную. Если сигнала не будет, а люки не откроются, следует...»

Она не успела вспомнить до конца инструкцию, – протяжный вой сирены боевой тревоги пронесся по кораблю, и этот звук, от которого когда-то слабели колени, и противно замирало сердце, показался ей теперь лучшей музыкой, какую она когда либо слышала.

Сто пятьдесят восемь астронавтов на корабле «Вызов» легли в анабиозные камеры почти пятнадцать тысяч лет назад

Семьдесят шесть проснулись.

Сто тридцать пять ушли в анабиоз на корабле «Родина».

Ровно восемьдесят вышли живыми.

Всего сто пятьдесят шесть из двухсот девяносто четырех. Чуть больше половины. Страшная статистика.

Они не рассчитывали и на это. Они вообще не рассчитывали на то, что хоть кто-то останется жив и доведет корабли до родной солнечной системы. Они могли только надеяться, и надежды их оправдались.

Почти четыре месяца ушло на то, чтобы окончательно вернуться к жизни, определиться с местонахождением и привести корабли в более менее рабочее состояние. За пятнадцать тысяч лет, не смотря на тщательнейшую консервацию и полный вакуум, царивший на кораблях все это время, многие приборы и механизмы вышли из строя. Некоторые насовсем. Да и самим людям, прежде чем полностью прийти в себя и перестать засыпать прямо на ходу в любом месте и любое время, потребовался месяц с лишним.

Постепенно, однако, все пришло в относительную норму. Двигатели и системы управления были отлажены и протестированы, координаты и расстояния найдены, функции и обязанности каждого члена экипажа определены. До родной планеты оставалось шестьдесят три дня пути.

* * *

– Странный город, – сказал Дитц и оглянулся.

Они только что подошли к парадному входу двухэтажно-

го, построенного в псевдоклассическом стиле, дома №35 по улице Зеленой, и Велга достал ключи, чтобы отпереть массивные дубовые двери.

– А, по-моему, ничего странного, – пожал широкими плечами Майер. – Город как город. Архитектура несколько необычная, но это и понятно. Мы не в своей стране, не в своем времени и даже, вполне возможно, не в своем мире. Вот интересно, мы когда-нибудь в этой жизни увидим еще фатерлянд, или Господь за великие грехи наши определил нам до конца дней пребывать в России?

– И не просто в России, а в различных ее проявлениях, – хохотнул Шнайдер.

– Я бы сказал – ипостасях, – поддакнул Хейниц.

– Умные, да? – осведомился Стихарь. – Чем бы это, хотелось бы знать, вам Россия не нравится? Стоите тут живые, здоровые, сытые да одетые. Еще не известно, что бы с нами было, окажись мы в ином месте.

– Каждый кулик свое болото хвалит, – улыбнулся Малышев. – Они просто соскучились, Валера. А город действительно странный. И дело не в домах. Дело в людях.

– Да, – подтвердила Аня, – здесь мало людей. Я чувствую. Тем временем Александр отпер дверь, открыл ее и теперь стоял, слушая о чем говорят товарищи.

– На центральных улицах масса народу, – сказал он. – Мы видели, когда ходили сюда вчера на разведку с тобой, Миша и тобой, Курт. Просто сейчас мы специально шли переулками.

ми, чтобы поменьше бросаться в глаза. На всякий случай.

— Нет, — покачала головой Аня. — Здесь так же, как в больнице. Я пока еще не могу понять. Там тоже так было. Вроде человек перед тобой, а ты его как человека не чувствуешь.

— Призраки? — страшным шепотом осведомился Майер.

— Да ну вас, Руди, — отмахнулась Аня, — я серьезно.

— Мы в дом пойдем или так и будем разводить базар на крыльце? — спросил Стихарь. — Лично мне не терпится ознакомиться со своими апартаментами!

Апартаменты оказались роскошными.

Из обширного холла высотой в два этажа можно было попасть в кухню-столовую и кладовую-холодильник слева, гостиную и спортзал справа и полуподвал прямо. А также по двум широким лестницам на открытую галерею второго этажа, где располагались жилые комнаты числом десять. Еще один выход из холла вел на внутренний двор. Во дворе росли две шикарные плакучие ивы, четыре клена и береза, а также в живописном беспорядке стояли плетеные стулья вокруг мощного, глубоко вросшего в землю всеми четырьмя опорами-бревнами, стола.

В каждой комнате имелись отдельные удобства, включая ванную комнату, а высокие окна выходили на вышеупомянутый двор с ивами, кленами и березой.

В кладовой-холодильнике обнаружили некоторые продовольственные запасы, которых при рациональном использовании могло хватить отряду на пару-тройку дней, а в го-

стиной – намертво вмонтированный в стену сейф с двумя тысячами долларов внутри.

– Доллары, – удивился Валерка Стихарь, вертя в руках одну из двух пачек. – Десятки. Зачем, спрашивается, в России доллары? Рублями нельзя было обойтись?

– Или на крайний случай марками, – согласился Майер.

– Хрен его знает, – вздохнул Малышев. – У меня скоро голова от загадок отвалится. Пойду-ка я лучше на кухню, приготавливаю что-нибудь. Аня, поможешь?

– Конечно, Миша, пойдем, – Аня легко поднялась с мягкого удобного кресла. – Займемся полезным делом. Тем более что у нас для думанья командиры есть.

– Правильно, ребята, – поддержал их Майер. – Скоро жрать захочется. Назначаем вас сегодня дежурными по кухне.

I. А завтра? – с надеждой спросил Хейниц.

II. А завтра – другие, – разочаровал его Велга. – Ладно, действительно кому-то надо заняться обедом. А мы пока посидим, подумаем и решим, что делать дальше.

III. Курить охота, – вздохнул Вешняк. – А у меня весь табак вышел. Какая дума без табака?

IV. Держи! – позвал Стихарь и бросил ему через всю комнату пачку сигарет. Он уже успел найти бар и теперь стоял перед ним, подбоченясь, и с восхищением оглядывал, что называется, богатство недр.

V. Опа! – воскликнул Вешняк, ловко поймав блестящую

целлофаном яркую пачку. – Откуда?

VI. Да все оттуда же, – объяснил Валерка. – Добрый дядя оставил. Точнее, добрый Коля. Водила... О, коньяк! Так, а это что? Мартини! Джин! Виски, гадам буду! Ну, ни хрена себе, вы только оцените этот шик-блеск! Эх, давненько я не пил настоящего виски. Последний раз в Ростове перед самой войной. Сильная штука, хоть по вкусу и похожа, вроде, на самогонку. Но не самогонка. Для тех, кто понимает, конечно.

Заинтересованные мужчины подтянулись поближе.

– Как это ты, интересно, мог пить виски? – спросил Велга, разглядывая квадратную в сечении бутылку. – Даже я, москвич, и то его не пил. А ведь в Москве все есть.

– Ошибаетесь, товарищ лейтенант. Это в Ростове все есть. Ну, может, еще в Одессе. А в Москве есть все только для определенной категории граждан. Не будем уточнять какой. Ну что, может, по сто пятьдесят за то, что мы живы и здоровы?

– Но не больше, – разрешил Дитц. – Напиваться потом будем.

– Это когда же, – хохотнул Майер, – после смерти что ли? Ладно, понял, молчу, молчу...

Налили, позвали из кухни Михаила с Аней, расселись в мягких удобных креслах, выпили.

– Ну, господа-товарищи, – сказал Велга, когда под потолок потянулись сизые дымки сигарет, – у кого какие будут соображения по поводу происходящего?

– Лично мне не нравится одно, – тут же высказал свое мнение Стихарь. – А именно то, что все это... – он сделал обводящий жест рукой. – Особняк этот, жратва, выпивка, удобства, деньги... Что все это как бы бесплатно. Вроде как даром.

– Почему «как бы» и «вроде»? – удивился Хейниц. – Коля же сказал: «Пользуйтесь».

VII. Потому, Карл, – охотно пояснил ростовчанин, – что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

VIII. А у нас говорят, что даром только смерть, – сказал Курт Шнайдер.

– Так мы же, вроде как... это... в гостях, – пробормотал Вешняк. – Или нет?

– Не знаю, – покачал головой Валерка, – не знаю, Сережа. Хотел бы я ошибаться.

– Кстати о деньгах, – сказал Дитц. – Какие здесь цены, господа? Ты, Саша и ты, Курт, ходили вчера в город. Вы заглядывали в магазины?

– Э-э... – смущенно поскреб щеку Велга. – Честно говоря, Хельмут, не рискнули. Эти наши комбинезоны.... Мы и так слишком выделялись, а в магазине человек еще больше бросается в глаза, чем на улице.

Дитц красноречиво промолчал, и в две затяжки докурил сигарету.

– Значит так, – решительно начал он, раздавив в пепельнице окурок. – Я предлагаю прямо сейчас...

И в это время в дверь позвонили.

– Звонят... – растерянно сообщил Хейниц.

– И кто бы это мог быть? – поднялся с кресла Дитц. – Никто никого в гости не приглашал?

Присутствующие отрицательно, энергично и одновременно качнули головами.

– Не нравится мне это, – поставил общество в известность Стихарь и скользнул к окну.

Второй звонок оказался гораздо длиннее первого.

– Четверо, – тихо сказал Валерка от окна и показал четыре пальца. – Здоровые бугаи.

– Ты их раньше видел? – спросил Велга.

– Никогда.

– У тех, кто за дверью, недобрые намерения, – предупредила Аня, появляясь на пороге гостиной. – Я таких эмоций еще дома наслушалась. Это бандиты.

– Как интересно... – растянул в холодной улыбке губы Дитц. – Они вооружены?

В дверь забарабанили кулаками.

– Да, – сказала Аня, – Я чувствую, что у них есть оружие.

– Впустим и тут же скрутим? – предложил Велга.

– Согласен, – кивнул Дитц. – Хейниц – открыть дверь. Остальные по бокам. Как только они заходят, валим на пол и вяжем. Вопросы?

В дверь уже непрерывно звонили и колотили.

– Уже ногами молотят, – ухмыльнулся Валерка, отходя от

окна. – И не жалко людям хорошей обуви!

Все вышло так, как и было задумано.

Карл Хейниц прошел в прихожую открывать и тут же вылетел оттуда спиной вперед. Вслед за ним в холл ввалились четыре дюжих хлопца. На всех четверых были одинакового покроя синие штаны и короткие черные куртки. И у всех – длинные – до плеч – волосы.

Михаил Малышев тут же, не мудрствуя лукаво, схватил двоих за эти самые волосы (не смотря на то, что непрошенных гостей хлипкими назвать было никак нельзя, таежник на голову был выше любого из них) и жестом киногероя свел их лбами. Лбы издали глухой стук, и двое из четверых очутились на полу без всяких признаков сознания. Еще одного ловкой подсечкой сбил с ног Майер и вместе с Вешняком скрутил ему руки за спиной взявшимся, как из воздуха, ремнем. Четвертый, – тот, что ворвался последним, начал было вытаскивать из-за пояса нечто весьма напоминающее пистолет, но рыжий Шнайдер подсел под него сзади, Велга резко толкнул в грудь, Валерка ударил ногой по руке с оружием, когда тот оказался на спине, а Дитц приставил к его лбу парабеллум и красноречиво взвел курок...

– Любо-дорого посмотреть на такую работу, – восхитился Валерка и поднял, отлетевшее в сторону чужое оружие. – Просто хочется самому себе поаплодировать. Гляньте-ка, товарищ лейтенант, какая интересная штука!

– Погоди, – сказал Велга. – Сначала с этими разберемся.

Так. Всех связать — и в гостиную.

— И этих? — кивнул на двоих, лежащих в полной отключке, Малышев

— Гм... А когда они очухаются?

— Да как сказать... Может, через пять минут, а может и через все двадцать. Все от голов зависит.

— Эй, да кто вы такие?! — подал громкий голос четвертый, как только Дитц убрал от его головы парабеллум. — Вы вообще, соображаете, что делаете? Додик узнает — он вас...

Шнайдер, коротко размахнувшись, врезал говорливому ногой по ребрам. Говорливый хрюкнул и умолк.

— На живот, тварь, — негромко скомандовал Курт.

Михаил вздохнул, ухватил своих подопечных за шкирки и без видимого напряжения поволок в гостиную.

— Ладно, — сказала Аня, все это время наблюдавшая за лихими действиями разведчиков с порога кухни. — Вы развлекайтесь, а я, пожалуй, продолжу. Миша, подходи, когда освободишься, хорошо?

Глава пятая

Связанных посадили на пол, прислонив их спинами к стене и предварительно обыскав, а два бессознательных тела их товарищей просто бросили рядом. Тоже сначала обыскав.

Содержимое карманов незваных гостей свалили на стол. Оказалось оно довольно однообразным. Три необычного вида пистолета с очень длинной рукояткой и коротким стволом, четыре выкидных ножа, одна запасная обойма, две ополовиненные пачки сигарет, две зажигалки, один грязный носовой платок и семьдесят два доллара денег.

И никаких бумаг и документов.

– Так, – сказал Дитц, усаживаясь в кресло, забрасывая ногу за ногу и закуривая сигарету. – Советую отвечать быстро правдиво и членораздельно. Кто вы такие?

– А не пошел бы ты на... – выцедил сквозь зубы тот, который вошел в дом последним и даже успел вытащить оружие. Выглядел он заметно старше остальных, был весьма небрит, и во взгляде его отсутствовали растерянность, и страх, а присутствовала, наоборот, какая-то злая уверенность.

Дитц коротко посмотрел на Шнайдера и чуть кивнул головой. Рыжий Курт сделал шаг к пленному и без разговоров, с короткого замаха ударил его ногой в живот.

Удар был не очень сильным, но, видимо, пришелся в то же место, куда Курт попал той же ногой буквально десять

минут назад, потому что пленный заорал и повалился на бок. Шнайдер наклонился, бережно прислонил его к стенке снова и ласково спросил:

– Повторить?

Небритый отрицательно качнул головой и скрипучим от боли голосом выдавил:

– Вам, ребята, за это придется дорого заплатить. Попомните мое слово.

– Не люблю больно бить связанных и безоружных, – безучастно заметил Шнайдер, глядя куда-то поверх головы небритого. – Но, видно, все-таки придется. Мой командир задал тебе вопрос. Отвечай.

– Мы... это... – начал было второй связанный, который все это время, если и не со страхом, то явно с полной растерянностью наблюдал за происходящим.

– Молчать, – коротко приказал Велга. – Отвечать будет тот, кого спрашивают.

– Мы люди Додика, – неохотно сказал небритый. – Это вам о чем-нибудь говорит?

– Абсолютно ни о чем, – заверил Дитц. – Кто такой Додик? Бандит?

– Что за странное слово... Он контролирует этот район. Послушайте, любой новенький, появившийся в Городе, должен заплатить дань контролеру своего района. Это знают все.

– Мы не знаем, – сделав ударение на слове «мы», объяснил Дитц. – Платят всегда за что-то. За товар или за услугу. Но

ты сказал «дань», а это слово предполагает подчинение. Мы же никому не подчиняемся. Так и передашь своему Додику. Понял?

Небритый хмуро кивнул головой:

– Я-то понял. Но Додик вряд ли поймет. У него в команде пятьдесят человек, а вас только восемь. Ну, девять вместе с бабой. На что вы рассчитываете? Если на вот это, – он показал подбородком на парабеллум, которым небрежно поигрывал Хельмут, – то зря. Применение огнестрельного оружия в Городе запрещено правилами. Город не Полигон. Да вы и сами это прекрасно знаете!

– Может, знаем, а может, и нет. Сколько человек в Городе?

– Станный вопрос...

– Я же сказал. Отвечать быстро, правдиво и членораздельно. Ну?

– Тысяч двести, наверное.... Откуда мне знать? Я их не считал.

– Ложь, – сказал Велга. – Двести тысяч на такой территории... Мы были на улицах.

Шнайдер демонстративно отвел ногу назад.

– Остальные – андроиды, – покосившись на тяжелый ботинок Курта, сказал пленный. – Черт, это даже младенцу известно.

– Андроиды, – повторил Дитц с таким видом, словно имел до этого дело с андроидами каждый день. – Допустим. Ты тут что-то говорил насчет огнестрельного оружия. А то, что

мы у вас отобрали, разве не оружие?

– Ну вы даете.... Ладно. Это игольный парализатор. Стреляет не пулями, а специальными парализующими иглами. Единственное оружие, разрешенное в Городе.

– А что будет, если мы применим в Городе огнестрельное оружие? Пулевое?

– Черт, это запрещено! Никто и никогда не применял в Городе настоящее оружие. Для этого есть Полигон!

– А все-таки?

– Если хотите быть изолированными – пожалуйста, – пожал плечами небритый.

– Хрен с ними, Хельмут, – предупреждая следующий вопрос Дитца, – сказал Велга. – Пусть забирают свою падаль и катятся. Надеюсь, у этого самого Додика хватит ума не приближаться к нашему дому ближе, чем на сто шагов. Ну, а если не хватит, то придется ему этого самого ума вложить. Все, окончена беседа. Развяжите их и пусть убираются.

Через пять минут, кое-как приведя в чувство своих товарищей, для чего потребовалась пара ковшей холодной воды, четверо неудавшихся вымогателей покинули дом.

– Мы же ничего не узнали! – повернулся к Велге Дитц, когда двери были надежно заперты, и все вернулись в гостиную. – Зачем ты их отпустил, Саша?

– Я не хочу выделяться. А мы уже и так смотримся здесь чудно и странно. Вопросы задаем. Безумные вопросы с их точки зрения, между прочим. Оружие у нас огнестрельное,

которое в Городе запрещено. Что такое игольный парализатор не знаем. Что такое андроид тоже не знаем. Я специально тебя остановил, когда ты намеревался его спросить, что такое быть изолированным.

– А тебе, значит, известно, что такое быть изолированным? – прищурился Хельмут.

– Нет, неизвестно. Но спрашивать об этом не следовало.

– А чего спрашивать? – удивился Стихарь, ловко разбирая и собирая парализатор. – Интересная игрушка. Тридцать игл. Возможность автоматической стрельбы. Не думаю, что у этой штуки высокая точность, но метров с двадцати-тридцати она довольно опасна. А изоляция от общества во все времена и везде значило одно и то же. Тюрягу. Не знаю, как вы, а я в тюрягу не хочу. Там, – он кивнул головой куда-то по направлению окна, – откуда с нами пришла Аня, там не было государств. А значит, не было и тюрем. А здесь, печенкой чувую, государство есть. Воевать же с государством... гиблое это дело. С государством не воюют. К государству приспосабливаются.

– А кто такие, кстати, андройды? – спросил Хейниц. – Первый раз это слово слышу. Помните, как он сказал? «Остальные – андройды». Мне даже как-то не по себе сделалось. О людях так... так безразлично не говорят.

– Я тоже никогда не слышал этого слова, – сказал Велга, – но очень хотел бы знать, что оно означает.

– А может, Аня знает? – предположил Вешняк. – Она у

нас... это... вроде как из будущего. А здесь тоже, видно, не прошлое.

– Правильно мыслишь, Рязань! – присвистнул Валерка. – Миш, сходи, позови Аню. Пожалуйста.

– А чего я? – слегка покраснел гигант.

– Тебя, – наставительно объяснил ростовчанин, – ей будет видеть более приятно, чем любого из нас. Вот дубина таежная. О тебе же забочусь! О твоём счастье можно сказать...

– Ты, Валерочка, о себе позаботься, – мелодичным голосом посоветовала от дверей Аня. – Я ведь высоко сижу, далеко гляжу. Да и слышу все, о чем вы здесь толкуете. Саша правильно сказал. Не надо нам лишний раз высовываться. А по поводу андроидов.... Я, когда услышала, так сразу и поняла, отчего мне люди странными показались. Вот и ответ. Не люди здесь. Андроиды. И в больнице то же самое было. Вернее, есть и люди, конечно, но андроидов гораздо больше.

– Да кто они такие, андроиды эти! Говори, не томи! – не выдержал Велга.

– Не знаю, как здесь, а у нас так называли человекоподобных роботов, – объяснила Аня. – То есть роботов, которые внешне ничем не отличались от человека.

– Объяснила! – фыркнул Стихарь. – Осталось всего ничего – узнать, кто такие роботы.

– Как... а, ну да, я и забыла. Хотя, насколько я помню, это слово придумал писатель Карел Чапек еще до Второй мировой войны.

– Карел Чапек... – как будто попробовал на вкус незнакомое имя Дитц. – Не слышал о таком. Чех?

– Чех, – подтвердила Аня. – В ваше время он был еще не очень известен, потому что жил. Настоящая известность к писателям приходит только после смерти.

– Ну, и что придумал этот чех Чапек?

– Он придумал слово «робот». Робот – это такая машина, которая работает без участия человека.

– Почти любая машина может работать без участия человека, – фыркнул Майер. – Заведи двигатель и оставь его. И он будет работать безо всякого твоего участия.

– Нет, Руди, – возразил Хейниц. – Кажется, я понимаю. Двигатель, конечно, сможет работать сам по себе. Но сам по себе он не сдвинет с места автомобиль. Для этого нужен человек. Так?

– Именно! – обрадовалась Аня. – Автомобиль, который сам везет человека по заданному маршруту, вполне можно назвать роботом.

– На самом деле у таких машин давно есть другое название, – хмыкнул Дитц. – Автомат.

– Да. Только робот – это очень сложный автомат. Любой автомат совершает только одно действие...

– Например, стреляет, – совершенно серьезно заметил Вешняк.

– Вот именно, – кивнула Аня. – А если автомат находится в руках робота, то робот сможет не только стрелять, но и

определить враг перед ним или свой.

– Ни хрена себе! – почесал в затылке Стихарь. – И что, у вас были такие штуковины?

– Были... – вздохнула Аня. – Да только все сплыли. Может, было бы лучше, если бы их вообще никогда не было.

– Точно, – согласился Шнайдер. – Люди и сами могут прекрасно друг дружку перебить. Без всяких роботов.

– Ну, не только же они стреляли, – сказала Аня. – Роботы, например, исследовали Луну и Марс, работали в таких местах, где человеку просто смертельно опасно было находиться. Вообще много чего полезного делали

– Все лекарство, и все яд, – прокомментировал Велга. – А что, у вас и эти... как их... анр... адр...

– Андроиды, – подсказал Хейниц.

– Вот. Андроиды тоже были?

– Нет, андроидов не было. Не успели появиться. Но они не раз были описаны в фантастических романах.

– А тут, значит, успели, – сказал Стихарь. – Помните, товарищ лейтенант, я вам про странную медсестру рассказывал? Теперь все ясно. Не человек это был, а этот... андроид. Тьфу!

– Да уж, – засмеялся Велга. – Представляю себе!

– Э! – завертел головой Майер. – Нам тоже интересно!

– Я тебе потом расскажу, – мрачно пообещал Стихарь.

– А если серьезно, – спросил Аню Дитц. – Как отличить андроида от человека? Местные наверняка легко это делают.

А нам как быть? Ведь это очень важно.

– Мне теперь понятно как, – вздохнула Аня. – Но вам этот способ не подходит. Вы так смотреть не умеете.

– Я знаю, как отличить андроида женского пола от просто женщины, – мрачно заявил Валерка. – Ради пользы коллектива готов поделиться опытом.

– А твой опыт для андроидов мужского пола не подойдет? – усмехаясь, осведомился Майер.

– Я тебя научу, а ты сам попробуешь, ладно? А потом нам расскажешь.

– Отставить треп, – негромко скомандовал Велга. – Дело серьезное.

– Если серьезно, – сказала Аня, – то всякий робот – будь он андроид или нет – действует по определенной, заложенной в него изначально программе. И не может выходить за рамки этой программы. Другое дело, что программа может быть очень сложной.

Такой сложной, что его действия будет трудно отличить от действий человека в похожей ситуации. Понимаете, я ведь не специалист и не знаю, как далеко они продвинулись в роботостроении. Может, они вообще научились создавать таких андроидов, что только вскрытие может определить, андроид это или человек.

– Значит, выход один, – резюмировал Хельмут. – Всюду брать Аню с собой.

– Или вскрывать всех подряд, – добавил неугомонный Ва-

лерка.

– А ведь могут быть еще и клоны, – задумчиво сказала Аня. – И это будет пострашнее андроидов. Тут и вскрытие не поможет.

– Это еще что за звери? – вскинул брови Велга.

– Абсолютно точные копии людей. На клеточном и даже генетическом уровне.

– А что такое генетический уровень? – спросил Дитц.

– Мальчики, – развела руками Аня. – Я не профессор-энциклопедист. Мне сложно рассказать вам обо всех достижениях науки за те шестьдесят лет, что вы... э-э... отсутствовали. Да я и сама о них плохо знаю, я ведь не ученый. Что-то со школы, что-то из телевизора, что-то читала. Еще была такая штука... Интернет называлась. Оттуда тоже многое можно было узнать.

– Н-нда, – констатировал Велга. – Как говаривал незабвенный Козьма Прутков, зри в корень. Потянули за кончик ниточки, а выкатился целый клубок. Хорошо бы достать где-нибудь краткую историю мира, начиная с тысяча девятьсот сорок третьего года.

– Причем желательно именно этого мира, – поддакнул Майер.

Все засмеялись.

– Вы заметили, что здесь нет ни одной книги? – сказал Хейниц. – Лично мне это кажется странным. Ни книг, ни даже газет или журналов.

– А зачем роботам книги? – пожал плечами Стихарь.

– А зачем роботам город? – передразнил Карл. – Десять минут назад мы разговаривали с людьми, а не с роботами.

– Ты в этом уверен?

– С людьми, с людьми... – подтвердила Аня, внимательно осматривая гостиную. – Действительно, странно...

– Что? – быстро спросил Дитц. – Что странно, Аня?

– Книги и газеты – ладно. Возможно, в этом доме вообще не читают. Опять же Николай предупреждал, что это нечто вроде гостиницы для вновь прибывших. А в гостиницах не принято держать книг. Но почему, действительно, тут нет телевизора? Или хотя бы радио?

– Может, не изобрели? – робко предположил Малышев.

– Вряд ли, – покачала головой Аня. – Покойников они оживлять умеют, а телевидения не знают? В жизни не поверю! Наверное, стоит поискать внимательнее, хотя обычно телевизор стоит на самом видном месте. А иначе зачем он нужен?

– Что поискать? – спокойно осведомился Дитц, демонстрируя безграничное терпение.

– Ох, извините, мальчишки.... Телевидение – это то же самое, что и радио. Только с изображением. Движущаяся картинка на стеклянном экране. Изображение может передаваться как в записи так и в режиме реального времени.

– Так бы и сказала сразу, – проворчал Михаил. – Эка невидаль. Только у сварогов это называлось иначе.

И произнес короткое слово на сварожьем языке.

– Точно, – улыбнулся Велга. – А еще у них были такие устройства, тоже с экранами, в которых хранилась уйма информации. То есть столько, что ни в одной библиотеке не поместится!

– Компьютеры – обрадовалась Аня. – А еще темными прикидываетесь! Если здесь есть компьютеры и хоть что-то похожее на Интернет, то мы все сами узнаем и вопросы никому задавать не понадобится. Господи, как давно я не видела компьютера!

Тем временем Валерка Стихарь, не дожидаясь ничьих приказов, приступил к тщательному осмотру гостиной. И буквально через минуту обнаружил искомое.

– Э! – воскликнул он, заглядывая за мощный сервант, в котором располагался бар, и который стоял торцом к стене, как бы отгораживая собой некое пространство – А это что?

Велга встал, подошел, и увидел.

Прямо перед стеной стоял стул с удобной высокой спинкой и подлокотниками. А на светлой стене, сантиметрах в сорока – пятидесяти над полом имелся прямоугольник, отличавшийся от стены не только цветом, но и фактурой.

Шустрый Валерка немедленно уселся на стул и ткнул пальцем в кнопку-клавишу, выступающую из стены рядом с прямоугольником. И тут же прямоугольник своим верхним краем отделился от стены, с едва слышным жужжанием пошел вниз и замер в горизонтальном положении, превра-

тившись в панель с клавиатурой, отдаленно напоминающую клавиатуру пишущей машинки. А из ниши выдвинулся вровень со стеной плоский черный экран.

Впрочем, черным он оставался недолго, – мигнул раз, другой, засветился изнутри мягким светом и явил окружающим странную картинку с какими-то непонятными значками, разбросанными по зеленоватому фону.

– Вот он! – радостно воскликнула за спиной Велги Аня. – Компьютер! Самый настоящий! Ну, может, что интересное теперь и узнаем.

– А ты в этой штуке что-нибудь понимаешь? – спросил Велга. – У сварогов похожие были, но я на них только в игрушки играл. И кнопки там по другому располагались.

– Когда-то немного разбиралась. Если меня за него пустят, дадут немного времени и не будут мешать...

– Понял, понял, – поднял вверх руки Валерка, намеревавшийся уже нажать на первую подвернувшуюся клавишу. – Если есть специалист, то я удаляюсь, – и добавил, подмигивая Малышеву. – Эх, Миша, придется тебе одному с обедом сегодня возиться. Вот разве что я помогу да товарищи подсобят.... Эй, товарищи, добровольцы на кухню есть?

Глава шестая

Двести метров от посадочной площадки до усадьбы Николай преодолел минут за пять, хотя неспешной ходьбы здесь было ровно три минуты.

На самом деле он вообще мог сесть непосредственно перед усадьбой – благо, места для флаера там вполне хватало, а его статус доброго знакомого вполне позволял пойти на маленькое нарушение принятых правил. Но Николай нарушать правила не стал.

Он аккуратно посадил машину на специально отведенное для летательных аппаратов место, не торопясь выбрался из кабины, закрыл фонарь, огляделся, глубоко вдыхая чистейший, пахнувший далеким лесом и ближайшим полем, воздух и медленно, по широкой кленовой аллее, направился к белоснежному трехэтажному дому под красной черепичной крышей.

Конечно, ему некуда было особенно торопиться.

Но, если бы он случайно заглянул поглубже в свою молодую душу, то, вполне вероятно, понял бы истинную причину своей медлительности.

Страх.

Страх не явный и тщательно спрятанный. Маленький, похожий на высушенную сморщенную лягушачью лапку. Не мешающий нормальной человеческой жизни и совершенно

неосознаваемый разумом, но все-таки страх.

Это страх заставил его посадить флаер не прямо перед усадьбой, а на площадке за двести метров до нее. Это страх замедлял его шаги на кленовой аллее. Это страх мешал ему собраться с мыслями и душевными силами, необходимыми для того, чтобы распознать страх.

Страх защищался, оберегал себя, искусно прятался и маскировался так, что Николай Боровиков просто ощущал некое неудобство, связанное с полным отсутствием желания встречаться с Вадимом Андреевичем Сальниковым. Его, Николая Боровикова, непосредственным командиром и начальником в тайной организации «Восход». С Лидером.

Что-то надвигалось.

Что-то неизвестное, огромное и неуправляемое.

Что-то, чего не было и не могло быть раньше, а теперь будет.

Это ощущалось и в поведении Сальникова, который последнее время из многословного яростного и яркого проповедника идей «Восхода» превратился в сухого и сдержанного на эмоции функционера организации, умело выдающего себя за процветающего фермера.

И в странных, совершенно не поддающихся обычной логике приказах, которые ему, Николаю Боровикову, пришлось выполнять за последний месяц.

И полным запретом на прямую вербовку новых членов.

И дело тут было вовсе не в конспирации. Жизнь на Пла-

нете устроена была так, что никому просто в голову не могло прийти тайно или явно сколачивать серьезную оппозицию Правительству и Мировому Совету.

Кроме тех, кому это все-таки пришло в голову.

На Земле и в космосе хватало для всех интересной и хорошо оплачиваемой работы. В том числе работы трудной и опасной. И разнообразнейших развлечений и форм отдыха тоже хватало. Но только работы и только развлечений. Не войны. Войны и вооруженные конфликты в любой форме были исключены из людских взаимоотношений. Равно как и большинство видов преступлений. Во всяком случае, тех, которые были непосредственно связаны с насилием над личностью. А те граждане, которым становилось уж очень скучно, кому недоставало риска и адреналина в крови, в чьей душе бродили и не находили выхода темные, запретные, не подавленные окончательно тотальным гипновоспитанием страсти и желания, всегда могли уйти на время в Город или на Полигон.

На Полигоне Николай был только однажды, и ему не понравилось. Слишком близко ходила там смерть, и совсем не хотелось причинять ни за что, ни про что боль и увечья таким же людям, как и ты сам. Пусть даже медицина практически со стопроцентной гарантией возвращала жизнь и здоровье после любой раны, и все эти полигонные, карманные войны были не более чем очень жесткой игрой, душа Николая к такой игре не лежала.

И опять же среди «полигонщиков» приверженцев идей тайной организации «Восход» было куда меньше, чем среди «горожан».

Если «полигонщики» (кстати, они очень не любили это слово и предпочитали называть себя «бойцами»), разбившись на команды-подразделения, скрупулезно пытались восстановить тот или иной эпизод великих войн прошлого, пользуясь при этом настоящим личным оружием именно той войны, в которую они в данный момент воевали, то «горожане» (ничего не имеющие против своей клички) развлекались по другому.

В Городе любой человек мог делать то, что за его пределами уже давно никто себе не позволял. И не потому, что запрещал закон (хотя он таки запрещал), а просто никому и в голову не могло прийти вне Города серьезно этот закон нарушить.

После того, как идеология потребления и бездумная трата ресурсов планеты наиболее развитыми странами поставили человечество на грань существования (полтора миллиарда перебили друг друга из зависти и отчаяния в страшной войне с применением ядерного оружия, а еще три умерли от голода и болезней, потому что большая часть земли просто перестала рожать), как минимум половина оставшихся в живых представителей рода человеческого решительно поняла, что образ жизни пора кардинально менять и от общества потребления переходить к обществу восстановле-

ния и объединения. Восстановления природы, в той ее части, которая восстановлению подлежала, и объединению всего остального: ресурсов, технологий, политических систем и культур. И постаралась убедить в этом вторую половину, которая или еще этого не поняла или понимать решительно не хотела. На убеждение и достижение полного взаимопонимания ушло тридцать лет мелких войн, экономического хаоса и тотального голода, после чего человечество уменьшилось еще на шестьсот с лишним миллионов особей. Наконец, сторонники объединения и восстановления сумели окончательно объединиться и убедить в своей правоте самых непонятливых, что обошлось человечеству еще в двести миллионов жизней. Оставшиеся около семисот миллионов человек организовали Мировой Совет (слово «парламент» к тому времени окончательно себя дискредитировало), уничтожили практически все запасы ядерного и прочего оружия, выработали новые законы и попробовали начать цивилизацию заново.

Теснейшее сотрудничество мировых конфессий, приведшее к практическому искоренению любых проявлений религиозного фанатизма.

Повсеместное и обязательное гипновоспитание, применяемое с самого раннего детства и вплоть до восемнадцати лет.

Неукоснительное следование частично восстановленным, а частично заново созданным Традициям, основанным на неприятии избыточного потребления чего бы то ни было и

презрении к личному богатству.

Культ Семьи и Учителя.

Идеология Созидательного Труда и Служения Обществу.

Избавление от вечной угрозы голода, войн, техногенных катастроф и природных катаклизмов.

Отказ от жизни в старых городах.

Все это и многое другое за неполных сорок лет изменило человечество до неузнаваемости. Исчезли не только войны, армии и солдаты, – практически сошли на нет преступления, и мощные, хорошо организованные полицейские силы тоже стали не нужны. Люди сумели возродить уже совсем было уничтоженную природу, достигли небывалых высот в медицине и биотехнологиях, избавились от «грязных» производств и снова сунулись в космос, достигнув сначала Марса, а после и других планет (основанная на Марсе колония, при нужде вполне могла бы существовать и без помощи Земли). Овладение термоядом решило энергетические проблемы, уровень населения медленно, но неуклонно рос и уже через сто лет достиг вполне приемлемого миллиарда.

А еще через пятьдесят лет возникла новая проблема.

Поначалу ее никто не принимал всерьез, но когда немотивированные преступления против личности стали исчисляться не единицами и десятками, а сотнями и даже тысячами, Правительство осознало опасность и воззвало к Мировому Совету. Мировой Совет, призвал на помощь психологов, медиков, учителей, воспитателей и сел думать.

Думать и вырабатывать решение.

После долгих дебатов, споров и всесторонних обсуждений, в которых приняло горячее участие чуть ли не все взрослое население Земли, марсианской колонии и лунных станций, пришли к неутешительному выводу: прошедшие сто пятьдесят лет – счастливое исключение из кровавой и полной неуправляемых страстей истории человечества, но для того, чтобы превратить Золотой век в Золотое Тысячелетие, а потом и в Золотую Эру, принятых мер вкупе с энтузиазмом явно недостаточно. Оказалось, темные страсти и желания, изначально присущие человеку, имеют настолько глубокие и крепкие корни, что надеяться выкорчевать их за сто пятьдесят лет не просто смешно, но и опасно. Тут же вспомнили полуторавековой давности предсказания некоторых серьезных ученых о том, что гипновоспитание – не панацея, что даже «мягкое» подобное вмешательство в человеческую психику (особенно в психику ребенка) чревато серьезными последствиями и, что нельзя таким образом отклонять «поведенческий маятник» в одну сторону – тем сильнее он качнется в другую. Впрочем, большинство, участвовавших в работе Мирового Совета ученых-психологов, генетиков и медиков склонялись к тому, что не так страшен черт, как его малюют, и гипновоспитание – несомненное благо. Другое дело, что делать его более «жестким» и направленным ни в коем случае нельзя, ибо в этом случае риск получить не хорошо восприимчивого к обычному воспитанию ребенка,

а маленького зомби, резко возрастает. Все это замечательно, говорили члены Мирового Совета, не являющиеся ни психологами, ни генетиками, ни медиками, но что же делать? Почему после ста пятидесяти лет замечательной жизни, когда, казалось, человек только-только начал, наконец, звучать гордо, опять резко пошла вверх кривая преступлений против личности? Может быть, прикажете опять полицию возрождать? Сыщиков? И этих... как их... патрульных?

А что, ответил вопрошающим на одном из бурных заседаний Совета известный эксперт-социолог Иштван Цвейг, и возродите. Только не всюду, где проживает человек, а в специально отведенных местах.... И замер с открытым ртом, пораженный осенившей его идеей.

Так родились Город и Полигон.

В Городе можно было сутками и неделями пить алкоголесодержащие напитки и употреблять наркотики, покупать и продавать женщин, продаваться самому или самой, вступать в беспорядочные и ни к чему не обязывающие половые связи, драться, красть и обманывать, грабить, играть в азартные игры на деньги и предаваться практически любому греху, исключая разве что грех убийства себе подобного. И никто за это тебя не осуждал, не корил, не смотрел косо и не взывал к твоей совести

В Городе даже можно было попасть в тюрьму и служить в полиции, чтобы ловить и в эту тюрьму сажать особо отли-

чившихся граждан.

На худой конец, в Городе можно было просто жить.

Точнее, пребывать, потому что любая честная работа за деньги для человека отсутствовала здесь по определению. И даже за работу в полиции тут не платили.

Весь обслуживающий персонал Города (санитары, продавцы, бармены, официантки, уборщики, ремонтники, таксисты и проч.) составляли андроиды, – специально выращенные и сконструированные биороботы и киборги, которых человечество активно использовало для различных целей последние сто лет.

Из всех возможных ограничений и запретов на свободу поведения, в Городе действовало только три: запрет на огнестрельное пулевое или плазменное оружие, ограничение сроков единовременного пребывания и запрет полетов над Городом на флаерах.

В случае первого нарушения правила-запрета на оружие, следовало предупреждение. Если же гражданин нарушал запрет вторично, то он терял право посещения Города на длительное время от года до трех (в зависимости от того, применял он оружие или нет). При дальнейших рецидивах нарушитель вообще лишался права пребывания в Городе, и мог быть подвергнут психиатрической экспертизе с последующим принудительным лечением. Впрочем, таких случаев за почти пятьдесят лет существования Городов набиралось не больше десятка, и все нарушители оказывались действи-

тельно психически больными людьми.

Если гражданин переступал через второе правило-запрет и пытался остаться в Городе после окончания максимально-го срока единовременного пребывания (не больше шестидесяти суток), то меры воздействия были практически теми же, что и в первом случае, за исключением некоторых нюансов. Например, для того, чтобы для тебя на год закрыли Город, нужно было получить не одно предупреждение, а два.

Во всем остальном гражданин, попавший в Город, был абсолютно свободен.

После того, как был спроектирован, построен и открыт для посещений первый Город, кривая преступлений против личности немедленно пошла вниз.

А когда количество Городов было доведено до шести (по одному на каждый материк, и два в Евразии), упала ниже самого низкого из зафиксированных за полтора века уровней.

Практически все преступления теперь совершались исключительно в Городах. Но там они таковыми не являлись по определению, а посему преступлениями и не считались. Свободные люди были свободны в своем выборе. Хотите лихих ощущений и насилия – к вашим услугам Город.

Но потом не жалуйтесь на то, что были избиты, обмануты, изнасилованы или ограблены.

Никто и не жаловался. На самом деле процент хотя бы дважды посетивших Город граждан Земли был совсем не велик (один раз-то почти каждый, достигнувший совершенно-

летия, в Город заглядывал). А тех, кто навещал эти, в прямом смысле слова, пристанища греха постоянно и вовсе было исчезающе мало по сравнению с общим населением планеты.

Тем не менее, пустыми Города не оставались никогда со времени их возведения и, так сказать, ввода в эксплуатацию.

Равно, как и Полигоны.

Полигоны, однако, были созданы для несколько иных забав и появились позже Городов, когда стало ясно, что идея «клапана для выпуска пара» срабатывает, но пар бывает разный.

Если Города навещали и мужчины, и женщины (хотя, конечно, первых было гораздо больше, что, кстати, придавало существованию в Городе особую интригу и остроту), то «полигонщики» состояли практически сплошь из представителей сильного пола. Темные страсти живут в душе любого человеческого существа, вне зависимости от того, мужчина он или женщина. А вот желание повоевать, доказать, что ты ловчее, сильнее и умнее противника путем уничтожения последнего, присуще в основном тем, у кого в наличии имеются внешние признаки мужского пола. Впрочем, и здесь не обходилось без исключений из правил, и время от времени в командах, устраивавших на Полигонах бои и целые сражения, появлялись женщины.

Итак, «горожане» обманывали друг дружку, грабили, избивали, насиловали, и предавались различным порокам, а «полигонщики» калечили и даже убивали себе подобных в

прямом смысле слова. И, тем не менее, в обычной жизни, за пределами Города и Полигона, «горожане» считались более опасными и непредсказуемыми людьми, чем «полигонщики». «Горожан» вольно или невольно сторонились (исключение, пожалуй, составляли только те, кто играл в городе роль честных полицейских), а к «полигонщикам» относились, скорее, как к чужакам или большим детям, которые никак не хотят по-настоящему повзрослеть. Была в «полигонщиках» какая-то наивная, изначально присущая любому мужчине, военная романтика, замешанная на звоне оружия и блеске мундира. Да и многие женщины, как выяснилось, по-прежнему были равнодушны к мужчинам, которые время от времени надевают форму.

Разумеется, с точки зрения психологии все это было вполне объяснимо. Одно дело ранить противника в честном бою и совсем другое – напасть из-за угла и отнять у прохожего деньги.

Или напоить и обокрасть товарища.

Или избить того, кто явно слабее тебя.

Или унижить другого человека, а заодно и себя любым иным способом.

В бою или честном спортивном поединке нет места унижению.

Но в любом преступлении против личности момент унижения присутствует обязательно. Унижение неотделимо от греха, как слабость неотделима от болезни – именно поэто-

му солдата уважают, а бандита нет. Кто хотел унижать или быть униженным – шел в Город. Кто хотел опьянения боя – на Полигон. Остальные находили все нужное для души и тела в нормальной жизни вне Городов и Полигонов и считали, что общество устроено, если не идеально, то вполне справедливо и правильно и волноваться особенно не о чем, – Мировой Совет мудро решает, Правительство выполняет решения, народонаселение Земли растет вместе с производством всего необходимого, энергии и ресурсов навалом, искусство и культура развиваются, как им и положено, наука на высоте.

И только немногочисленные члены организации «Восход» думали по другому.

Глава седьмая

Входная дверь открылась автоматически, и Николай, вздохнув, прошел в дом.

Хозяин, Вадим Андреевич Сальников, невысокий и стройный шестидесятилетний мужчина, встретил его в обширной прихожей, поздоровался за руку и провел в гостиную.

– Чай, кофе, сок, вино? – любезно осведомился Вадим Андреевич, когда они уселись в мягкие кресла за низкий овальный столик у окна, выходящего на яблоневый сад.

– Чай, пожалуй, – чуть подумав, сказал Николай. – У вашего Ролли получается замечательный чай.

Вадим Андреевич снисходительно усмехнулся, взял со стола медный колокольчик и позвонил. Николай удивленно приподнял брови. Он довольно часто бывал в этом доме, но подобного раньше не замечал.

Бесшумно вошел робот-слуга по имени Ролли и выжидательно остановился на пороге. Это был именно робот. Хозяин не менял его на андроида, потому что, во-первых, Ролли служил в этом доме уже восемьдесят лет и, что называется, сажал маленького Вадима Андреевича на горшок, а во-вторых, Вадим Андреевич, по собственному признанию, антроидов недолюбливал. «Обычные роботы честнее», – часто говорил он, предоставляя собеседнику самому догадываться

ся, что именно он имел в виду.

– Чай гостю.

– Здравствуй, Ролли, – улыбнулся Николай. Ему всегда нравилось это металлопластиковое чудище с кристаллическими мозгами, одинаково ловко управлявшееся с лопатой в саду, посудой на кухне и многими другими человеческими инструментами и вещами.

– Здравствуйте, Николай, – прогудел робот. – Рад вас видеть снова.

Голос у него был низкий, не интонированный, но Николаю, почудилась в нем определенная теплота.

– Две ложки сахара, как всегда, – произнес робот.

– Да, Ролли, две ложки, – подтвердил Николай.

– Выполняю.

Он развернулся и пропал за дверьми.

Хозяин и гость проводили робота глазами и посмотрели друг на друга.

– Как настроение? – осведомился Вадим Андреевич.

– Нормально, – чуть пожал плечами Николай. – Жду указаний.

– Это хорошо, – скупно улыбнулся Сальников, он выглядел бодрым, хорошо выспавшимся и уверенным в себе человеком. – Я многого сейчас просто не имею права тебе сообщать, но могу сказать, что дело наше близится к завершающей стадии. Период теоретизирования и пустого переливания из пустого в порожнее заканчивается. Ты рад?

– Скорее... э-э... заинтригован, – изобразил осторожную улыбку Николай. Он слишком хорошо знал этого человека, чтобы раскрываться перед ним полностью.

– Хорошая интрига – пружина любого действия, – кивнул Сальников. – От тебя требуется следующее...

В это время в комнату беззвучно вкатился Ролли и поставил перед Николаем изящную фарфоровую чашку с чаем на блюде.

– Спасибо, Ролли, – кивнул Николай и выжидательно посмотрел на Вадима Андреевича.

Тот небрежно махнул рукой, отпуская робота, полез во внутренний карман легкой летней куртки и достал оттуда сложенный вчетверо лист бумаги.

– Вот, – сказал он, протягивая бумагу Николаю, – ознакомься. Здесь список оборудования, которое ты должен как можно скорее доставить в Город. Лучше прямо сегодня.

Николай принял листок, развернул и стал читать. Это были какие-то совершенно неизвестные ему то ли приборы, то ли механизмы, то ли черт знает что. Был и другой вариант – предметы ему знакомы, но названия на всякий случай зашифрованы...

– Икс-Р 128... – прочитал он вслух, – Что это, Вадим Андреевич?

– Меньше знаешь – лучше спишь, – ответил Сальников древней поговоркой. – Все упаковано в ящики с такой же маркировкой, что и на бумаге. Твоя задача доставить все в

целости и сохранности в Город. К нам, на Зеленую тридцать пять. Сложишь в подвале.

– Так тут же... это... много, – пробормотал Николай и потянулся к чашке с чаем. – Двадцать семь позиций, и места это все, наверное, занимает... – он отпил чаю и поднял глаза на Сальникова.

Вадим Андреевич смотрел на него, не мигая, и молчал.

Николай торопливо поставил чашку на блюдце, вздохнул и признался:

– Гости у нас, на Зеленой тридцать пять.

– Гости, – медленно повторил за Николаем Вадим Андреевич. – Что за гости?

И Боровиков рассказал о встрече на дороге.

Сальников слушал внимательно, не перебивал, и Николай сам не заметил, как выложил не только факты, но и свои, не до конца самому понятные ощущения от этой встречи.

– Понимаете, Вадим Андреевич, – торопясь, чтобы не перебили, объяснял он, – вы же сами учили обращать внимание на интересных и необычных людей. Потому что среднему обывателю наши идеи и цели – до лампочки. Ему, среднему, и так хорошо. Вот. Я, разумеется, помню запрет на прямую вербовку, но я им ни слова не сказал о том, кто я и откуда. Да они и не спрашивали. Просто познакомился. Ну и помог по мере возможности, а...

І. А почему ты решил, что это необычные люди? – не повышая голоса, перебил Сальников. – Чем именно они тебя

заинтересовали? Что в них было особенного? Конкретней можешь?

Николай задумался, вспоминая и подбирая правильные слова.

– Как бы это поточнее.... Лица у них такие... ну, не наши лица. Твердые они. Вокруг лица у всех мягкие, сглаженные, а эти... Как из острых и твердых углов собраны.

– Худые лица? – спросил Вадим Андреевич.

– М-м... не в этом дело. Есть и худые, есть и нормальные. Просто.... Не знаю. Твердые. Это самое точное слово. Ну и обветренные еще. Но это у многих «полигонщиков». И еще глаза. Сами все молодые, а глаза у них, как у совсем взрослых, поживших людей.

– Как у меня, например?

– Н-нет, пожалуй. У вас глаза, как бы это сказать... бодрые, что ли. А у этих...

– Уставшие?

– И уставшие тоже. Но не только. Такое впечатление, что они знают что-то, чего никто из нас знать не может. Я таких глаз ни разу ни у кого не встречал.

– Интересно... – Сальников откинулся на спинку кресла и ненадолго задумался. – Еще что-нибудь?

– Да. У меня сложилось такое впечатление, что они никогда не были в Городе.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему у тебя сложилось такое впечатление?

– Во-первых, у них не было денег.

– Наличных?

– Вообще никаких.

– Тебе разве известен их банковский счет?

– Нет, неизвестен. Но у них, по-моему, вообще нет никакого банковского счета. И потом... они задавали такие вопросы, что я понял: Города они не знают совсем.

– «Полигонщики» вообще довольно редкие гости в Городе, – небрежно заметил Сальников.

– Да, – согласился Николай. – Но все равно даже самый фанатичный «полигонщик» знает, что без денег в Городе нечего делать. Еще у меня сложилось впечатление, что они собрались входить в Город с оружием. С огнестрельным оружием.

– Входить в город с огнестрельным оружием не запрещено. Запрещено его использовать.

– Да, но даже то, как они это оружие носят.... Понимаете, я был на Полигоне и видел завязтых «полигонщиков». Но и у них я не встречал такой легкости и естественности в обращении с автоматом. Как будто это не предмет, а... часть тела. В общем, я, конечно, действовал, скорее, опираясь на интуицию. Но мне показалось, что эти люди могут быть нам полезны.

Николай умолк и взял в руки чашку с чаем. Он чувствовал, что ему удалось оправдаться.

– Ты наблюдателен, – побарабанив пальцами по столешнице, сказал Сальников. – И это хорошо. Но ты, в сущности, нарушил приказ. И это плохо.

– Извините, Вадим Андреевич, – Николай сделал вид, что обиделся. – Был запрет на прямую вербовку. Я этого запрета не нарушал.

– Был также приказ держать в полной готовности наши базы. Забыл?

Николай опустил глаза. Такой приказ, действительно, был.

– Вы же сами всегда учили, что бывают случаи, когда никакой приказ не может помочь и нужно действовать по обстановке, – пробормотал он.

– Да. Но я совсем не уверен, что это именно тот случай. Ладно, будем действовать напрямую. Нам скрывать нечего. То есть, скрывать нам есть чего, но пусть об этом никто не знает. Свяжись с ними сейчас от меня, скажи, что сегодня ночью или завтра утром тебе нужно забросить в дом кое-какое оборудование. Предупреди, чтобы бардака в доме не устраивали. Хотят гулять – пусть гуляют в другом месте. Ну, и останься там с ними на пару дней. Если уж они тебя так заинтересовали, то неплохо бы до конца выяснить, кто они такие. Но учти, что через неделю их там быть не должно. Пусть перебираются. Тем более, что это не проблема – занимай любой пустой дом и живи.

– Хорошо, Вадим Андреевич, – с явным облегчением кив-

нул Николай. – Все сделаем. А оборудование это... я не спросил... оно где? И на чем его в Город доставлять?

– На моем грузовом флаере. Все уже погружено и закреплено, не беспокойся. На нем же потом и вернешься. Он мне сейчас все равно не нужен. Давай, садись к компьютеру, связывайся с Городом и – вперед. Провожать я тебя не буду, извини, дел много.

И Сальников, пожав ему руку, удалился.

Николай проводил глазами его невысокую фигуру, допил одним глотком уже остывший чай, еще раз вздохнул и поднялся с кресла. Приказ был получен, и его пора было выполнять.

* * *

Когда компьютер мелодично пропел две ноты, и на экране выскочило окошко с надписью: «Запрос на связь. Да. Нет», Аня уже немного разобралась с незнакомой клавиатурой и программами. Она уже было подвела курсор к «Да» и вознамерилась нажать клавишу «Ввод», но в последний момент убрала руку, обернулась и крикнула:

– Саша, Хельмут!

Оба лейтенанта не замедлили явиться на зов, а вместе с ними и Валерка Стихарь, чья деятельная натура не могла допустить, чтобы любое, мало-мальски интересное событие прошло мимо его внимания.

– Что случилось? – одновременно спросили Дитц и Велга. При этом у обоих был настолько одинаковый заинтересованно-озабоченный вид, что Аня рассмеялась.

Лейтенанты переглянулись.

– Просто вы сейчас похожи на родных братьев, – пояснила Аня.

– А мы и есть братья, – сказал Дитц.

– По оружию, – добавил Велга. – Что случилось?

– Кто-то нас на связь вызывает, – показала пальцем на экран монитора Аня. – Соединить?

Командиры на секунду задумались.

– Раз вызывают, значит кому-то нужно, – сделал вывод Велга.

– Безупречная логика! – восхитился Дитц.

«Соль» – «до» снова пропел компьютер, и окошко с надписью вопросительно мигнуло.

– А ведь это может быть наш друг Коля, – предположил Валерка Стихарь, выглядывая из-за спины Велги.

– Соединяй, – махнул рукой Александр, а Дитц утвердительно кивнул головой.

Аня нажала «ввод», и через секунду на них с экрана уже смотрело спокойное лицо Николая.

– Привет! – улыбнулся Николай. – Ну, как вы тут?

– Нормально, – несколько растерянно ответила Аня (она не привыкла к тому, что компьютер может служить одновременно и видеотелефоном). – А ты?

– Все хорошо, – сказал Николай. – Осваиваетесь?

– Помаленьку, – сказал Велга. – Спасибо.

– Тут такое дело.... Вы во сколько собираетесь выходить из дома?

– Куда? – не понял Александр.

– Ну, в Город, – пояснил водитель. – Жизнь-то здесь в основном ночью начинается.

– Э-э... вообще-то, не решили еще, – характерным жестом потер подбородок Велга. – А что?

– Да мне тут надо в подвал кое-какое оборудование забросить, – небрежно сказал Николай. – Я и подумал, что если вы еще будете дома, то помогли бы разгрузить – андроидов-то у нас нет, а ящики довольно тяжелые. А потом вместе бы прогулялись. Я тут неподалеку знаю пару неплохих местечек.... Если есть желание, конечно, – и он как-то не очень натурально подмигнул.

– Хорошая мысль, – одобрил Хельмут. – Проводник нам не помешает. Во сколько тебя ждать?

– Часов... – взгляд Николая скользнул куда-то в сторону, – часов в восемь-девять, думаю, появлюсь.

– Значит, в двадцать – двадцать один ноль-ноль, – повторил Дитц. – Отлично.

– Ну, до встречи.

– До встречи.

Лицо водителя исчезло с экрана, и вместо него выскочило окошко: «Конец связи. Отключиться? Да. Нет.»

«Да» ввела команду Аня.

– Ну как? – спросил Стихарь. – Разобралась?

– Еще немного. Очень похоже на то, с чем я имела дело, но все-таки другое.

– Ладно, – сказал Велга. – Не будем тебе мешать.

– А вы что-нибудь нашли?

– За исключением того, что в каждой комнате в стене есть такой же компьютер, как и здесь, ничего особенного. Кстати, скоро будет готов обед.

– Тогда и позовете, ладно? Или я вас позову...

Мужчины удалились, а буквально через полчаса Аня вошла в местный аналог Интернета, нашла крупную поисковую систему и в разделе «История» наткнулась на учебную лекцию для школьников под названием «Краткий обзор новейшей истории.»

Глава восьмая

Обедали в молчании и без особого аппетита. То, что они узнали за последние два часа, произвело на всех ошеломляющее впечатление, и требовалось время, чтобы осмыслить увиденное и услышанное. Первым не выдержал Стихарь.

– А мы-то думали, что участвовали в самой страшной войне за всю историю человечества! – провозгласил он, покончив с супом и накладывая себе на тарелку мяса с картошкой. – Да мы дети малые по сравнению с нашими потомками. Вон, еще бы немного и вся история просто бы закончилась.

– Лично меня, – пожал плечами Майер, – утешает лишь то, что это не наши потомки. Мы опять в этом, как его... – он щелкнул пальцами, вспоминая.

– Параллельном мире, – подсказала Аня.

– Вот-вот. Параллельном. Хорошо хоть не перпендикулярном.

– А какая разница? – спросил Вешняк. – Планета – Земля? Земля. Живут здесь люди? Люди. Чело́веки. И мы люди. И тоже с планеты Земля.

– Это не наша Земля, – сделав ударение на слове «наша», упрямо нагнул голову Майер. – Наша земля там, где есть Германия, Россия... ну, и другие страны. На нашей Земле сейчас одна тысяча девятьсот сорок третий год от Рождества Христова и...

– И там сейчас война. А мы, русские и немцы, – смертельные враги, – подсказал Валерка.

– Пусть, – пулеметчик задрал подбородок и с вызовом оглядел своих товарищей. – Пусть война. Но там наш дом. А здесь... Да что говорить! Помните Пейану? Нас никто не спросил, а просто взяли за шкурку и забросили черт-те знает куда, драться друг с другом. Но мы остались людьми и доказали сварогам, что обращаться так с нами – себе дороже обойдется. Не знаю, как у вас, а у меня с недавнего времени такое ощущение, что Пейана продолжается. Только в другом, более хитрож...м варианте, извини, Аня. В том смысле, что нами по-прежнему кто-то управляет, но мы не знаем, кто это и где этот «кто-то» находится. А раз не знаем, то и морду ему набить не можем. Сначала спасали один мир, потом другой, теперь вот оказались в третьем, который – помяните мое слово – тоже придется спасать. Что дальше? Где мы окажемся завтра? Что мы еще должны сделать, чтобы вернуться домой?!

Он умолк, снова поочередно оглядел присутствующих и, с отвращением отодвинув от себя недоеденное мясо, потянулся за апельсиновым соком. Отряд, сосредоточенно жуя, молча обдумывал слова пулеметчика.

– Не могу сказать, Руди, что ты полностью не прав, – нарушил, наконец, тишину Дитц, аккуратно вытирая рот салфеткой. – Ситуации, в которых мы раз за разом оказываемся, настолько невероятны, что трудно списать все на случайность.

Невольно закрадывается мысль, что нас, действительно, кто-то ведет. Но. Возможно, меня не поймут, однако скажу. – он сделал эффектную паузу. – Я не уверен, что это плохо.

– Плохо – что? Что нас кто-то ведет? – прищурившись спросил Велга.

– Именно. Если хотите, объясню.

– Изволь. А то, боюсь, я действительно тебя не понимаю.

– Постараюсь. Я солдат, а не философ. Но все-таки постараюсь, ибо, как видим, быть просто солдатом уже, оказывается, мало.

Хельмут откинулся всем своим длинным телом на спинку стула, отхлебнул сока, закинул ногу за ногу, закурил и продолжил:

– За свою недолгую, но богатую событиями жизнь, я пришел к банальному выводу: от судьбы не уйдешь. Но от того, что вывод сей банален, лично для меня он не становится менее значимым. Потому что я пришел к данному выводу не умозрительно, а испытал его истинность на собственной шкуре. Думаю, как и любой из вас. Это не значит, что я стал полным фаталистом. Скорее, наоборот. Существование некоего диапазона, в котором все зависит только от поступков отдельно взятого человека, для меня такой же факт, как и существование судьбы. В этом диапазоне – мы полные хозяева своей жизни. Но иногда нас выбрасывает из этого диапазона, или мы сами выходим за его пределы. И тогда нам приходится управлять лишь тем, чем мы можем управлять,

потому что иначе, при попытках охватить неохватное и контролировать неконтролируемое, мы обречены на сокрушительное поражение. Теперь о том, что это значит в нашем конкретном случае. Смотрите. На Пейане то, как мы поступим, зависело только от нас. Мы выбрали определенный путь и тем как бы создали для себя новую судьбу. Понимаете? Если бы мы поубивали друг друга, то сейчас некому было бы ломать голову над тем, что делать дальше. Это, кажется очевидным и, вроде бы, не требует особого осмысления, но на самом деле требует. Потому что потом мы попали в мир Ани, и это самое попадание уже от нас никак не зависело. Тут в игру вступила наша новая судьба. Та самая, которую мы создали на Пейане. И теперь, вот, эта судьба продолжается. И мне кажется, что противиться ей также глупо и... как бы поточнее сказать.... а! Безответственно, вот. Глупо и безответственно, как встречать грудью снежную лавину. Давайте представим, что мы сейчас пожмем друг другу руки, плюнем на все и разбежимся в разные стороны, чтобы просто жить в этом богатом и почти благополучном мире. Что будет?

– Ты у меня спрашиваешь? – осведомился Велга.

– У всех. И у тебя тоже. Но, так как ты командир, то у тебя есть право ответить первым.

Александр задумался. Он очень быстро и отчетливо представил себя одного, без товарищей, среди этих странных, живущих двойной жизнью, людей. Чужое будущее. Очень по-

хожее, но тоже чужое прошлое. Да, Хельмут прав. Для того, чтобы это понять, даже не нужна логика. Вполне достаточно чувства. А чувство было такое, что им действительно надо и дальше держаться друг друга. Идти вместе до конца. «До конца чего? – спросил он себя и тут же ответил. – Не знаю. Но думаю, что узнаю, когда дойду». И, когда он по капле испил это понимание до самого дна, и за горечью потерь ощутил сладость приобретений, все тут же встало на свои места. Они еще не прошли свой путь, они еще не вернулись домой. А значит, их война продолжается.

Велга огляделся и столкнулся с выжидательными взглядами солдат. Синими, карими, серыми.... И честный упрямый бунтарь Рудольф Майер, и нахальный, никогда не унывающий Валерка Стихарь, и спокойный гигант с нежной душой ребенка Михаил Малышев, и огненно-рыжий, злой в бою особой веселой злостью Курт Шнайдер, и основательный, молчаливый, надежный, как земля-кормилица Сергей Вешняк, и скромный умница Карл Хейниц, и даже, не входящая формально в их боевое подразделение, юная колдунья Анна, – все они смотрели на него так, словно от его ответа напрямую зависел их дальнейший путь, и пресловутая судьба. И вчерашний лютый враг, а нынче боевой товарищ и друг, обер-лейтенант вермахта Хельмут Дитц, этот длинный белобрысый саксонец, этот хитрый сентиментальный скептик, которому можно доверить собственную жизнь и смерть так же, как сын доверяет отцу подержать мороженное, чтобы

завязать развязавшийся на ботинке шнурок, тоже смотрит в упор всепонимающими бледно-голубыми глазами и тоже (внутренне усмехаясь, з-зараза) ждет ответа. А что тут отвечать? Все, по-моему, ясно....

– Я вижу, вы очень легко нашли крайнего, – специальным «командирским» голосом сказал он. – Однако не надейтесь, что вам удастся отсидеться за нашими с Дитцем лейтенантскими спинами. У всех мнения спросим. А потом, как командиры, примем решение. Сам же могу сказать следующее. Я представил себе то, о чем говорит Хельмут: мы разбегаемся в разные стороны и начинаем жить обычной жизнью. Очень хорошо представил. И мне, то, что я себе представил, совсем не понравилось. Не знаю, можно ли объяснить мое чувство при помощи той доморощенной философии, которую нам тут развел господин обер-лейтенант, но знаю точно, что он прав. Каждый человек должен выполнить некую возложенную на него задачу. Возложенную Родиной, судьбой или им самим – не важно. Я ощущаю, что мы свою задачу еще не выполнили. Значит ее надо выполнить, вот и все. Какие будут по этому вопросу мнения?

– Что-то мне это напоминает, – подмигнул насупленному Майеру Валерка Стихарь. – Помнится, совсем недавно мы сидели у Герцога в кабинете и обсуждали похожую ситуацию.

– У Герцога все было ясно, – возразил Малышев. – Там было важное дело, за которое можно было браться, а можно было и не браться. А теперь у нас какое дело? Сплошная

неопределенность.

– Вот-вот, – кивнул рыжей головой Шнайдер. – Меня, например, очень интересует следующий вопрос. Каким образом в этом мире зарабатывают деньги?

– А при чем тут это? – удивился Валерка. – Подумаешь, деньги... Говна-пирога!

– А при том, друг мой, – вступил в разговор Майер, – что здесь война ничего не спишет, поскольку войны тут нет. И в ближайшее время не предвидится. Те деньги, что нам оставил Николай, скоро закончатся. Как, впрочем, заканчиваются все и любые деньги. А дальше? Ты вот кто по профессии?

– Я-то? – показал на себя пальцем Стихарь.

– Ага. Именно ты.

Валерка, наморщив лоб, задумался. Остальные с интересом ждали ответа.

– Когда-то был плотником, – неуверенно сообщил он. – Недолго, правда.

– Давно и недолго, – с удовольствием повторил Майер. – Ты уверен, что здесь нужны плотники? Я, вот, до войны работал одно время докером в Гамбурге. И еще я хорошо умею стрелять из пулемета. Не думаю, что эти мои профессиональные навыки пригодятся в этом мире.

– Умение хорошо стрелять из пулемета еще никому никогда не мешало, – философски заметил Вешняк.

– А я бы пошел учиться, – застенчиво улыбнулся Хейниц. – Они здесь, наверное, много знают. Хотя домой, ко-

нечно, очень хочется.

– По-моему, мы не о том говорим, – вмешалась Аня. – Вы, мужчины, вечно все путаете и уводите мысль в сторону. Надо будет заработать денег – заработаем. В конце концов, тут есть Полигоны, а, значит, при них должны быть инструкторы. Да с таким боевым опытом, как у вас, вам любая команда за подготовку хорошие деньги заплатит!

– Верно! – хлопнул в ладоши Стихарь. – Ну, Анна, ты молодец! Как же это я сам не догадался? Да мы же...

– погоди, Валера, я не закончила, – остановила его Аня. – А то мы сейчас опять не о главном будем говорить. Вопрос, который перед нами ставили наши командиры, насколько я понимаю, был в том, остаемся мы единым отрядом или расходимся. Так, господин обер-лейтенант и товарищ лейтенант?

– Именно, – подтвердил Дитц.

– Ближко, – кивнул Велга.

– Вот. По-моему, каждый из нас должен ответить сначала именно на этот вопрос, а уж потом трепаться на отвлеченные темы. Подаю вам пример и отвечаю. Я за то, чтобы быть вместе. Мне сердце подсказывает, что так надо. А мое сердце меня еще никогда не обманывало.

– А что тут отвечать? – удивился Малышев. – Ясно, что вместе. Тут и думать нечего. Раз вместе горе мыкать начали, то вместе его и заканчивать надо.

– Так уж прямо и горе, – передразнил дальневосточника

Стихарь. – Бывало и хуже. Но я согласен. Мое нетерпеливое сердце тоже подсказывает, что впереди нас ожидает много чего интересного.

– Я с вами, – просто сказал Хейниц.

– Поддерживаю, – буркнул Майер.

– И я, – улыбнулся Шнайдер.

– А я вообще не понимаю, зачем было спрашивать, – сказал Вешняк. – Нас от службы никто не освобождал. Тут и говорить не о чем. За.

– Вот и отлично, – скупой подвел итог Дитц и недоуменно посмотрел на стакан апельсинового сока в своей руке. – А что это мы пьем? После хорошего обеда мужчины должны пить коньяк и кофе.

– Принести? – оживился Стихарь и вопросительно посмотрел на Велгу.

– Тащи! – махнул рукой Александр. – Это дело не грех и запить.

– А я сварю кофе, – предложила Аня.

– Лучше я, – возразил Хельмут, поднимаясь со стула. – Вы, русские, не умеете варить кофе. Вы, русские, умеете варить чай.

– Во-первых, не варить, а заваривать, – подбоченилась Анна, – а во-вторых, это мы еще посмотрим! Вызываю на соревнование. Половину варите вы, а половину я. И устраиваем дегустацию.

– Идет, – потер ладони Дитц. – А победителя определяем

тайным голосованием. Чтобы по-честному.

Когда в половине девятого вечера прибыл Николай, вся компания находилась в замечательном расположении духа. После одной бутылки коньяка, одной виски и одной водки (немцы пили пополам с апельсиновым соком, а русские предпочли чистую), Анна отыскала в компьютере какую-то непривычную, но очень зажигательную музыку, про которую ласково сказала, что не ожидала здесь встретить старый добрый рок-н-ролл, врубила этот самый «старый добрый» на полную катушку и принялась учить всех желающих танцевать под этот совершенно сумасшедший ритм. Как ни странно, но быстрее всех суть чудных телодвижений уловил гигант-Малышев, и уже через двадцать минут после начала всем остальным оставалось только хлопать в ладоши, глядя на лихо отплясывающую пару. Так что звонок водителя они услышали чудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.